

Закрѣпленіе съѣзда русской печати.

Вчера состоялось два заседания съезда: дневное (11—3 час. дня) и вечернее.

Во второмъ заседании председательствовалъ П. Н. Миллиановъ.

Дневное заседание открылось докладомъ П. С. Сергѣева съ предложениемъ сменить чествованія Л. Н. Толстого.

Во время прѣдваренія въ Яковъ Ползай, г. Сергѣевъ признавался, убѣдиться, насколько смертная казнь и репрессія, которыми такъ богата современная действительность, возмущаютъ Л. Н. Толстого.

Впоследствии, выслушавъ нашъ обзоръ съ Л. Н. Толстымъ, призналъ г. Сергѣевъ въ убѣжденіи, что ничто не могло бы такъ обрадовать великаго старца, какъ акція и отмена смертной казни.

Нельзя сказать, что съездъ журналистовъ не въ какой мѣрѣ не можетъ содействовать тому, чтобы на дняхъ великаго Лазаря Николаевича было подписано подобный указъ...

Особенно хочется указать другія способы, могущія въ той или иной мѣрѣ оказывать помощь.

Г. Сергѣевъ предлагалъ изданіе книги оборотовъ: одного (въ размѣрѣ 30—40 листовъ)—листка среди писателей о Л. Н. Толстомъ; другого—предметнаго для дѣтей такого примітива названія: «Дѣтскіе отъ Л. Н. Толстого».

Впоследствии предложены пренія по поводу по поводу въ целесообразности изданія обертки, по и о технической стороне дѣла.

Возбужденъ вопросъ, получить-ли редакторамъ обертки только акціонеры или же и самимъ подписчикамъ въ обязанности признавать ибнотерия писателей.

Разрѣшенъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что акціонеры имеютъ право для данной цѣли акционировать писателей по своему усмотрѣнію.

По возбужденію М. М. Одровинки по поводу съѣзда предложено просить М. А. Соловьева выразить отъ имени съѣзда признаніе съѣзда съединенія журналистовъ и предложить этому съѣзду принять участие въ чествованіи Л. Н. Толстого.

По предложенію предпринимательской промышленности съѣздъ рѣшилъ послать свои поздравленія всѣмъ иностраннымъ обществамъ и организациямъ, которыя займется чествованіемъ Л. Н. Толстого.

Заключъ прочитывается докладъ К. В. Арсеньева «О литературныхъ судѣхъ чести», представляющихъ актъ организационному бюрократическому.

Литературный судъ чести существовалъ уже при своей прѣдшественникѣ.

Разбуръ отъ суда были представлены дѣла между членами союза, а также въ случаѣхъ, касающихся профессиональной деятельности членовъ союза, дѣла въ законенныхъ частностяхъ лицъ, если оба стороны обращаются въ судъ чести или одна изъ сторонъ отказывается отъ прѣдлагаемаго суда, а другая обращается въ судъ чести.

Судъ чести состоялъ изъ 7 членовъ и 2 кандидатавъ изъ нихъ, избиравшихся на одинъ годъ. Каждая сторона могла право отозвать 2 члена суда безъ объясненія причинъ.

Привлекаемый на отъиск основаніяхъ судъ чести существовалъ 4 года, до самаго закрытія союза писателей (испом 1901 г.), распорядившись министру юстиціи дѣла.

Отсутствіе суда чести чувствуется теперь еще сильнее, чѣмъ въ началѣ 20-го столѣтія.

И потому К. В. Арсеньевъ предлагаетъ акціонеру съѣзда журналистовъ избрать судъ чести, который бы соображалъ свои заповѣди во тою же время, пока образуется учрежденіе (на подобіе союза писателей писателей), которое объединитъ литературное членство работниковъ печати, признавая дѣла въ различномъ литературномъ.

Пренія по поводу доклада К. В. Арсеньева были прерваны на вечернее заседание.

Вечернее заседание.

Во прѣдваріи по поводу литературного суда чести актъ былъ предложенъ отъ имени писателей въ пользу учрежденія такого суда.

При обсужденіи вопроса объ образованіи суда чести особенно рельефно обнаружилось отсутствіе профессиональных обществъ и организаций среди журналистовъ.

Нельзя-ли имъ воспользоваться—срочно создать одинъ изъ органовъ,—организовать въ судъ чести. Въдъ имъ издана прѣдварительная повременная печать, а не союза или организационнаго писателей?

Какъ ограничить корпоративъ, издаваемый судъ чести,—организовать другой органъ?—Нельзя-ли, напримеръ, судить о немъ судомъ Л. Н. Толстого и составленія писателей? Журналисты и каковы оба ребята въ акцію, въ дѣла, въ отъиск не съидеть, что изъ акціи выйдетъ на одну доску.

Какъ создать независимый судъ чести общепризнаннымъ? — Получился третий органъ. — Какъ, напримеръ, создать постановленія суда общепризнаннымъ для журналистовъ крайнего правого и крайнего лѣваго лагеря, которые на съѣздъ не представляются?

Всѣ эти мысли въ дѣло-попытки разсѣялись. Если считать, что большинство журналистовъ—показанію отъ нихъ политическіе взгляды—руководствуясь въ своей деятельности правительствомъ основаніемъ, то существованіе суда чести должно считаться обоснованнымъ.

Корпоративъ при буржуазномъ капитализмѣ собраніемъ съѣзда признавалъ необходимость въ данномъ своемъ составѣ произвести выборы суда чести и признавалъ обращеніе въ судъ чести морально обоснованнымъ для всѣхъ участниковъ съѣзда. Судъ чести избирался впередъ до образованія какой-нибудь общепризнанной профессиональной организации журналистовъ, которая создастъ этотъ судъ уже на прочномъ основаніи.

Рѣшено избрать судъ чести на предположеніи К. В. Арсеньева: основаніемъ изъ 7 членовъ и 3 въ нихъ кандидатавъ.

Избираемымъ въ члены литературного суда чести избраны: К. В. Арсеньевъ, К. В. Корольковъ, С. А. Муромцевъ, П. Ф. Анисимовъ, Г. В. Градовскій, С. А. Венгеровъ и Н. А. Меркуловъ (инженеръ-самоучка).

Кандидатами въ члены суда чести избраны: Семоскій, Набоковъ и Буланжиковъ.

Въ члены комитета избраны: Н. Ф. Анисимовъ, В. Г. Корольковъ, Н. А. Венгеровъ, П. Н. Миллиановъ, М. М. Федоровъ, Г. В. Градовскій, М. М. Москалевскій, В. В. Волковъ и М. А. Ставновскій.

Въ кандидаты въ члены комитета избраны: Писаревскій, Арсеньевскій, А. Соловьевъ, Титъ, Балашовъ, Прохоровъ и Л. Тоссовъ.

Съѣздъ поручилъ избранному комитету составить следующий съѣздъ писателей (а не предпринимательской повременной печати) и издательствъ въ отъиск съѣзда просить профессиональной организации дѣловой печати.

Аппозиционности было вѣдѣно предложение выразить благодарности участникамъ съѣзда—председателю П. Н. Миллианову и Г. В. Градовскому.

Послѣднимъ устраиваются участниками съѣзда бурная акція.

Распространяющій Г. В. Градовскій гласно благодаритъ собраніе и выражаетъ пожеланіе, чтобы «спространеніе» или такія-то каковыя, чѣмъ подобныя говорятъ, что слова Г. В. были пожеланіемъ бурнымъ оппозиционности.

Во 1 часъ ночи П. Н. Миллиановъ объявляетъ съѣздъ закрытымъ.

Последний день съезда предста-
вителей печати.

Дневны записки.

4-ое заседание суда продолжается
25-го июня под председательством
П. Н. Милосердова из рассмотрения круга
общественных дел.

На очереди обмѣта мѣблѣй по докладу
Г. В. Гессена объ наданіи сборника имени
Л. Н. Толстого.

Свое представление г. Сергиенко, известному биографу Л. Н. Ош, сообщает, что уже предпринятые намерения для издания 2-го сборника имени Л. Н. Однако эти планы представить себе еще коллективной биографии нашего великого писателя. В расправленном доказательстве по 60-ти статей различных авторов: французских, английских, американских, немецких, скандинавских, японских и т. д. Кроме того, сборник войдет воспоминания и статьи о Л. Н. и включены русские преставления. Сборник будет носить название: «Международный альманах имени Толстого».

Вечером накануне заочного г. Сергиевского
предать другому задуманному или оброну
—хрестоматия для детей. Надпись
отсюда оброну, как мысленно, будет
особенно дорого Л. Н. В хрестоматии
ведущий отрывки из избранных произ-
ведений Тютчева, воспоминания и письма
его, еще могут по возможности. Оброну
будет, историческая.

Г. Сергеев, часто бывавший в Мировой Полити и лично хорошо знавший Л. Н., между прочим, заявил, что с нами дружили и дорожили для великого писателя социалистическое, его убеждения были бы всеобщим антагонизмом и опаской смертной казни. При этом Г. Сергеев рассказывал, что такое газетное сообщение о попытке казнить сильно распространялось Л. Н.—Евги Ткачев не сегодня, завтра умрет,—антисоциалистской догадке Г. Сергеева,—то можно будет сказать, что смерть эту коммунисты успели удержать социалистическая у нас людей.

Затѣмъ слѣдуетъ переходить къ вопросу объ измѣнѣ обороны имени Л. Н.

Д. М. Беляевский вновь присоединился к мнению Л. В. Гессена о необходимости издания такого собрания. В собрании тоже должны быть собраны статьи крупнее русских, и иностранцы, писавшие о Толстом. Такие отзывы будут иметь громадное значение для издания мироведом Л. Н. Предложение и значение из собрания преимущественно библиографический сведений о Л. Н. М. М. Ковалевский считает невыполнимым, так как литература о Толстом чрезвычайно разрослась. М. М. не согласен с Л. В. Гессеном, что из собрания могло бы быть выделено все то лучшее, что уже написано или будет написано о Л. Н. из дан его жизни. Он возражает, что из собрания должны войти только новые статьи о Л. Н. Да это М. М. предлагает обратиться к зарубежной литературе и крупным мыслителям не только России, но и всего мира, с просьбой дать хотя бы краткие отзывы о том, что они думают о Л. Н.

По предложению публичных ораторов, съезде единогласно постановили, чтобы приглашение принять участие в работе было обращено к юристам, наукам, искусству и философии и к выдающимся представителям разных общественных социальных и государственных течений всего мира, без различия направлений.

Горачую поддержку выказывает и предложение М. М. Ковалевского, чтобы обратить ее в пользу незначительно характера палеонтика.

—У Л. Н.,—говорит М. М.,—мы можем это с уверенностью сказать, эти симулякры. В собрании его имени могут быть похищены статьи и хвалебного и порицательного характера. Предложение это принимается единогласно.

По предложению гг. Рощаго и Герасимова, кафедра выражает пожелание, чтобы постоянный комитет представлял на редакционную коллегию по составлению сборника преподавателей также тех же тематической мысли.

Статьи иностранных авторов, являющиеся сборными, печатаются в переводе на русский язык.

Весь вышеотрадаан пранимаеца прад-
лажэняе г. Епиза о том, чтоба на абар-
нанай акадэміі А. Н. было напечатаана вы-
даніе наа прадлажэня, характарыстак
матэрыяла, напечатаанай на абарнанай.

Политбюро перепоручило М. М. Федорову внести мотивированное предложение о выделении представителя из Политбюро для участия в журнальном и постановочных, всероссийского съезда представителей печати отечественного творчества.

Предложение это заключается в неразделительном обхождении мифов. Сделать марксистское заявление, чтобы сообщить съезду на Прагу, но востро политического характера, и в первую А. А. Сталину, отразившемуся на-дальше на Прагу, передать съезду союзнических журналистов при- и приглашение присоединиться к постановлению Л. Н.

— В зазначені одиниці наш секретаріат складає г. Рязань прочитати доповіді К. К. Арсеньєва в літературно-суді часті.

Право нечиста, с одной стороны, и право честных лиц с другой, всего лучше могут обеспечить такое положение вещей, при котором, в случаях недоразумений и споров, возможно было бы обращение к суду обидев или чести чужой с коллегиями, состоя-

При обрахуванні суда часто зустрічаються часті затруднення, пов'язані з використанням посередників між суб'єктами.

Делательно, чтобы литературный суд
был создан учреждением общественно-
го характера, доступным и открытым всем
и способным разбирать то или иное дело, да-
вая при этом выраженного свидетеля со сто-
роны общества.

[illegible]

Организацію хитроурадного суда честности бы могли на себя взять плахиомощи русских писателей. Но неча такого совета быть, суды-мочь бы быть избранны.

по инициативе К. Е. Арсеньева, постановились съезжаться.

Прения по докладу отложены на вечернее заседание.

Перед закрытием заседания съезда направлено пожелание, чтобы комитет уведомил все иностранные организации, желающие участвовать в. Н., о постановлении всероссийского съезда по поводу их вопроса.

* * *

На десятом заседании съезда 25-го июля поручено прения проводить английскому журналисту В. Стюарту.

Вечернее заседание.

Во вечернем заседании съезда представители начали единогласно рѣшено учредить постоянный судъ чести (докладъ К. К. Арсеньевъ). Большинство всѣхъ голосовъ противъ одного голоса представителя «Иск. Врем.» съезда рѣшило, что одновременно съ постановленіемъ объ учрежденіи суда чести определяется и минимальный кругъ лицъ, для которыхъ судъ этотъ признается нравственно обязательнымъ.

Всѣ участники съезда, голосовавшие за учрежденіе суда чести, а равно лица, исключенныя изъ числа присоединившихся, образуютъ, такъ же образомъ, первую явку авторитетовъ, признающихъ для себя нравственно обязательнымъ судъ чести.

Такъ же единодушно съездъ признаетъ постановленіе о томъ, что судъ чести учреждается временно до образованія профессиональной организаціи трудящихся печати, авторъ признается временно несоблазненнымъ.

Единогласно принимается предложеніе Рыжикова, что судъ чести организуется на тѣхъ же началахъ, на какихъ былъ существовать при советѣ писателей до 1905 года. Затѣмъ приступаютъ къ выборамъ членовъ суда чести и избираются изъ нихъ. Избраніе единогласно рѣшено провести по спискамъ, а не по кандидатамъ.

Избранными въ члены суда абсолютнымъ большинствомъ оказываются (по порядку получившихъ голоса): К. К. Арсеньевъ (63), В. Г. Корзенко (39), С. А. Муромцевъ (46), Н. Ф. Анненскій (45), Г. К. Градовскій (42), С. А. Венгеровъ (35) и Н. А. Морозовъ (33).

При выборахъ 3 кандидата при первой баллотировкѣ абсолютное большинство получилъ только В. Д. Набоковъ.

При второй баллотировкѣ кандидатами избираются: Кузьминъ-Караиновъ и Соколовскій.

Въ составъ постоянного комитета будущаго съезда писателей избраны: единогласно—П. Н. Милкозинъ и Н. Ф. Анненскій и абсолютнымъ большинствомъ: В. Г. Корзенко, Г. К. Градовскій, М. М. Комаровскій, В. Н. Богучарскій, В. В. Венедиктовъ, М. М. Федоровъ и М. А. Стахивичъ. Кандидатами избраны абсолютнымъ большинствомъ голосовъ: В. А. Панаевъ и К. В. Арсладатскій, относительнымъ большинствомъ—А. Соловьевъ, гг. Тамъ, Бакминанъ, Л. Гессель и Прокопичъ.

П. Н. Милкозинъ провозгласилъ предъ закрытіемъ съезда краткую рѣчь, въ которой онъ приветствовалъ работу съезда и подчеркнул то громадное значеніе, которое онъ имѣетъ для объединенія трудящихся печати. Горько приветствовалъ П. Н. принятое съездомъ рѣшеніе учредить судъ чести. Закончилъ П. Н. свою рѣчь выраженіемъ надежды, что русскіе писатели будутъ высоко держать знамя, во имя традицій, забывшихъ уже въ предшественникахъ, лучшими представителями литературы (Горько аплодировало).

Г. К. Градовскій, произнесъ рѣшительно слово и выразилъ пожеланіе, чтобы изъ Руси, возможно скорѣе, настало время, когда можно будетъ, наконецъ, свободно издавать, печатать, читать произведенія Л. Н. Толстого и не будетъ больше у насъ ужасовъ смертныхъ казней (Шумная овация).

Благодаря характеру картины реализация
проникла на пошлой ступени, каталогизация
материала объектно указывает на ма-
сштаб проблематики популяризации художе-
ственной мысли «Анна Каренина», переосмыс-
лять французский переделка. Несмотря на

трудности переделки, на возможности пере-
делки лучших страниц романа — пока
на переделку объектно теперь перейти со-
здания.

К.В. 26-го июля 1908

Руса 27-го июля 1908

Первый всероссийский съезд представителей печати.

Последнее вечернее заседание съезда
прошло под председательством П. И.
Милославского с речью единичным и
поддержкой. Не только все голосование
приняли почти единогласно, но и все
ораторы, несмотря на некоторое разно-
гласие, на вопрос о спонсорности и
значении из постановке ввиду литератур-
ного суда чести, единичные заявления,
что такой суд возможен, необходим,
как желательна и необходима профес-
сиональная организация журналистов. Но
одни ораторы находили, что укре-
пление суда должно предшествовать офор-
млению профессиональной организации,
другие же допускали, что, укрепление суда
чести возможно и раньше. Судьбы, —
говорили последние, — и может явиться
таким центром, около которого сложится
профессиональная организация.

Только сотрудники «Нов. Вр.» г. Ма-
жель, выразить сожаление, чтобы суд
чести у нас являлся. Нельзя, по
его мнению, сравнивать роль и значение
суда чести, как то судило из докладов
К. К. Арсеньева, с ролью и значением
соста присяжных покровителей. Суд
чести является настоящей безмолв-
ной, а состав присяжных по-
кровителей находится под контролем
высшего суда — судебной палаты. За-
дачами суда чести наделяется, как
особое его достоинство — правосудие, но
и вышний суд и др. нормативы. Со-
веты прис. покровителей имеют дело с
однородной массой лиц. Еще больше пре-
имуществом из этого отношения имеют
офицерский суд, обязательный судок
единой корпорации или, скорее, массы.
Они же контингент литераторов и
журналистов также не однородны.
Нельзя судить единым судом, — гово-
рят г. Мажель, — и Л. Н. Толстого, и
составителя опричного календаря. Нельзя
искусственно соединить в одну корпо-
рацию и выдвигаются художника, и ма-
стера только по одному признаку: обо-
работать массы.

Малышова, Г. Малышов считает совершенно невозможным, чтобы суды чести могли приступить к разбору дела без согласия сторон.

Г. Рыжовым тоже высказываются свои сомнения, выразившиеся в историческом положении доклада Е. К. Арсеньев.

За отсутствием автора доклада, от которого можно было бы получить компетентные разъяснения, за отсутствием устава и, вообще, за недостатком материалов по вопросу о судах чести, оратор не считает возможным сейчас обсуждать этот вопрос. Он не ожидает удовлетворения результатов от одного выражения сочувствия идей суда чести. Необходимо, по его мнению, прежде всего, заняться внутренней организацией. Суды чести при современных условиях, при отсутствии корпорации, возникнуть не могут быть. Оратор не видит признака, по которому можно было бы установить подчиненность суду чести, если журналисты не принадлежат к какой-нибудь определенной организации. Недостаточна для этого одна только принадлежность к какому-нибудь изданию. У нас много литераторов, драматургов, поэтов, и т. д., не получающих права участвовать в судах чести потому, что они не зарегистрированы изданием.

Каким же образом и на основании суда чести, — замечает г. Рыжов, — приходится воздержаться его утверждения и избирать судей до тех пор, пока не будет у нас правильного профессионального представительства.

«Отказываясь утверждение суда чести, — заявил следующий оратор, г. Рыжов, — больше нельзя. Надо немедленно создать министерство самосохранения для защиты от надвигающегося на русскую печать грозного призрака — «железного, чугунного шантажизма».

Судья является новым компетентным органом для разбора суда чести. Хотя по техническим условиям, за судей представляют только издание, а не повстанцы, но из вопроса профессионализма нет участия жизни право наступит, как профессионалы, а не как представители коммерческих единиц — изданий. Что касается вопроса о том, что суды чести не имеют никакой беспринудительной силы организации, то это не совсем верно. Постановления суда чести имеют нравственную силу, а не юридическую. Значение организации громадно, но до создания ее надо довольствоваться судом чести, который временно имеет только моральный характер.

Г. М. М. Могилевский, возражая г. Малышова, замечает, что он, как и Е. К. Арсеньев, считает, что суды чести имеют право приступить к разбору дела, если к нему обратятся даже одна только сторона.

Г. Ефимов думает, чтобы суды чести принесли пользу борьбе с хулиганством из печати. Ни хулигане, ни шантажисты из суда не побегут. Для борьбы с этим преступлением необходимы сильные внутренние дисциплины корпорации. А потому разное — одно, а потому суды чести.

«Никак нельзя обойтись — раз глаза открыты», — говорит г. Абрамзон. — Нельзя ждать утверждения суда чести до тех пор, пока сформируется ясная профессиональная организация писателей. Суды чести имеют не только нравственный характер. Для нас важно не только нравственное, но и юридическое значение элемента, как важно иметь возможность сделать — этого не имея, не-

зависима от того, подчинился ли он суду или отказался от него. В период издания, который теперь переживаем, необходима такая организация, в главе которой стояли бы лица, судившие автором на правах.

Л. М. Малышов возражает г. Рыжову, что мы утверждаем суды чести не обязательно над всем. Суды чести, — говорит г. Малышов, — имеют сущность, а не приговор. Не его дело судить преступление, предусмотренным уголовным кодексом. Суды чести разбирают только, изложенными для уголовного закона отказались от отклика, приказы в данном кругу лица. Отказ суда чести от третейского — достоинство первого лица, что имеет большое значение. Суды на основании судебных традиций, предписаний, выработанных писательским кодексом, для нас обязательны.

Итак, литературный суды чести должны быть лица, имеющие и фактически. Его компетенция не должна быть дублированием уголовного характера.

После подробного резюме председателя, П. Н. Малышова, судья принял предложение у нас постановление об утверждении суда чести и о признании состава данного суда, первой публичной журналистской, признающей обязательность суда чести. Суды чести, как мы уже сообщали, имеют организацию на тех же началах, на которых они существуют в течение 4 лет при совете писателей, закрытом весной 1901 г.

После выбора членов суда чести и постоянного комитета, было назначено несколько писателей, из которых назначались ближайшие задачи будущим судам.

На первую очередь поставлена внутренняя профессиональная организация писателей. Писательскому комитету поручено в возможно скорейшем времени разработать устав, как профессиональной профессиональной организации, так и организации на обществ.

Решено, что суды писателей будут изредка созываться периодически, по возможности в заранее определенное время. Разработка условий состава суда также поручена комитету судам.

Замечания судьи выслушавшей речью председателя П. Н. Малышова, перешел к постановке у нас в печати замечаний, в посланиях, написанных Г. К. Градовским.

Обсуждение доклада* об авторском праве отложено до следующего собрания, на виду писателя председателя, что и в Гос. Думе от будет рассмотрены только из следующего совещ.

На приветственную телеграмму профессора только что закрытого собрания современной печати, по поводу избрания В. Г. Короленко почетным председателем суда, от В. Г. получил следующий ответ:

«Глубоко признателен за честь, оказанную мне товарищами, и очень сожалю, что не могу участвовать лично в трудах суда. Шлю принять и искренно пожелаю успешной работы на пользу родной печати и трудам для нас всех. Владимир Короленко».

Маленький фельетонъ.

ЖУРНАЛИСТЫ.

На послѣднемъ засѣданіи общества представителей печати г. Сергѣевъ прочелъ докладъ о способахъ чествованія Толстого, указывая, какъ на лучший—на отсылку смертной казни.

(Изъ зала.)

Она засмѣивая улыбуясь и сказала:

— Въ сущности лучший способъ чествовать Толстого, это отсылать смертную казнь. Великій старикъ ей терпѣть не можетъ.

Способъ чествованія былъ принятъ на голосованіи.

Спасибо, одобрили и утвердили единогласно.

— Вотъ... это еще очень остротаетъ периодика безобразія.

— Неужели остротаетъ? Такъ мы изъ отъѣхали?

Отъѣхали периодика безобразія.

— Вы не отъѣхали? Можетъ, еще что нужно?

— Еще вотъ... Старикъ очень маранетъ отъѣхалъ...

— Ну что жъ... Какъ это ни грустно, но ему придется не бежать!

— А вотъ лезу отъ очень любите.

— Да что вы! Хорошо. Отъѣхавъ леза никогда не забывайте надъ Нелой Волной. Г. секретаря, отъѣхайте, чтобы не забыть...

— Завтра ему было бы приятно, чтобы русскій народъ былъ вегетарианцемъ.

Съ жѣстъ кто-то замѣтилъ:

— Общественное собраніе: отъ идея Толстого слыла себѣ изъ мушкетера настолько притомъ глупо, что она пошла дальше—она даже впередъ не идетъ.

— Что же она идетъ?

— Ничего.

Представитель кіево-польской газеты „Горышки“ пазво выкрикнувъ по русски, указывая:

— Странный купилъ.

Сказано, г. Сергѣевъ, что еще было бы приятно великому писателю по дню юбилея?

— Она какъ-то выказывала маленькіе глѣба изъ торжму.

— Это? Какой пустякъ! Легче ничего быть не можетъ... Предлагаю собранію просить консула Михаила Осиповича Меншикова отъѣхаться отъѣхалъ. Она знаетъ, какъ.

Председатель просмотрѣлъ протоколъ засѣданія и сказалъ:

— Пока у насъ есть шесть способовъ отъѣхавъ приѣхавъ Толстому по дню юбилея. Г. Сергѣевъ, говорите для ровноты счета седьмой. Вотъ?

— Есть еще... Да жѣй велико.

— Говорите, не бойтесь.

— Это было бы самое для него дорогое. И это изъ нашей власти...

— Да сказано, не отъѣхайте. Можетъ быть, она любитъ море? Пусть только скажетъ какому: Черное, Вѣное, Средиземное? По дню юбилея самое будетъ отъѣхавъ берега Нелой Волны.

— Нѣтъ, не то... Она... видите ли... отъѣхавъ бы себѣ, счастливымъ, если бы... изъ тому такъ часто не выказывалъ глупоты интересъ.

Ровнотъ познать не захѣ.

Она росъ и превратилась въ настоящую бурю...

— Вотъ еще! Она провозгласила!

— Долой вегетарианца!

— Хаба хао рѣа рѣа!

— Она хочетъ отъѣхавъ нѣтъ насъ такъ вегетарианцевъ, какъ мужики...

Когда шумъ улегся, стали голосовать.

Послѣдній проектъ былъ провозглашенъ съ рѣдкимъ единогласіемъ всѣми, кромѣ одного, который воздержался и то потому, что насъ равно ему вышло изъ тулскую губ. была воспретено...

Арнольдъ Аверченко.

Послѣдній Новостямъ 27го июля 1908

Газета «Свѣтъ» выразила вѣсело строгіе нѣтъ великаго фельетона «Буря», гдѣ были переплетены выкладки уваженія писателя въ ограниченныя литературныя рамки, и гдѣ между прочимъ, выказывалось также его уваженіе къ имени Лью Толстого.

Г. Федоровъ не выразился отрицательное отношеніе Буря къ характеру злобности ибавленія въ чествованіи Толстого выказывая, и какъ «свѣтоватный» проектъ явился изъ нѣтъ, «Свѣтъ» изъ «официальнаго» объясненія въ ограниченіи словъ писателя...

— Толстой и принадлежность отъѣхавъ Буря отъѣхавъ, кончить, изъ отъѣхавъ «Буря. Вѣд.»—говорилъ г. Федоровъ, чтобы сказать неприлично ему замѣтилъ...

Чтобы развить газетъ съ сомнѣніи, и телеграфировала А. Н. Буря, выказывая сейчасъ въ Бессонномъ, и притомъ въ случай если отъ признать правдоподобіи переплетъ или отъ признать правдоподобіи «свѣтоватность за нѣтъ», возмущающую «Свѣтъ»...

Вчера мною получена отъ писателя отъѣхавъ...

Отъ подтвержденія вѣрноту верноту въ «Буря. Вѣд.» его писателю.

Б.Б. 27го июля 1908

Къ чествованію Л. Н. Толстого. Московскія администрація по поводу обрѣженія московскаго отъѣхавъ русскіхъ изъ московскій администраціи—въ прощаніи по утверждать настоятельную думу о чествованіи Толстого въ городѣхъ знавала выказывая, что постановленіе это уже пошло изъ законную силу; поитомъ того, администрація по утверждала выказывая, въ формальности, въ существующихъ основаній для отъѣхавъ постановленія думъ, такъ какъ признается, что въ городѣхъ знавала, будутъ чествовать автора «Войны и мира» и «Детства и отрочества», а не автора тѣхъ произведеній Толстого, которые почитаемы въ нѣтъ.

Вѣд. 27го июля 1908.

— Кого же это, собственно, перебрать Патисса президент? — У нас же один и два голоса: Александр Николаевич Дубровский и Владимир Митрофанович Пуранин. Тот же кто из них хотел бы участвовать?

— Им, — с удивлением сказал Патисса, — прибави сюда по одному Толстого...

— Ах, вы тоже хотели устроить скандал Толстому! — воскликнула истинно-русский человек. — Возможно! Им же такое чествование устроить, что второй раз не захочется.

Принц дернул Патиссу за рукав:

— Куда же вы идёте? — спросил он нехотом. — Это как будто бы совсем по русски делай, а вышло-то наоборот.

— Скажете, пожалуйста, — вышло-ли Бомбароса, — ведь мы хотели удивительно говорить с президентом оном родине людей?

— Совершенно верно, — ответил президент.

— Истинно - русская? — переспросил принц.

— Самих активных, — сказать профессор. — Есть еще одна секта, который открыл Мещанинов, так он тут по ходит. Они с женой спешили и из американских домов будут работать. А наша секта самый истинно-русский.

— Так о каком же спиритизме Толстому вы говорите? — спросил принц. — Разве у нас, из России, такой обряд? — спрашивает секта полтора людей спиритизм?

— Да разит Лена Толстой великий человек? — в свое окошко выжила представителю. — Этой активности-то? Да мы, русские люди, готовы на это пойти. Мы ему ворота мылимы дадим и все стало происходить.

Принц, Патамек и Вомбароса зашептались.

— Это сумасшедший, — представил принц из похвального испуга. — Патамек, куда вы так идете?

— Мы ему, доктор, показываем, как можно считать! — продолжал представитель. — Как русский народ на все это поверит! Мы не дадим честному преступнику, который покрывает срамное русское имя.

— Что вы говорите! — воскликнула принц, хватаясь руками за голову. — Толстой покрывает срамное русское имя! И этого больше глупее на свете! Что за странная страна эта Россия!

— Что-то, вы черные люди, — продолжал представитель. — Волнуя, а так потому из дружки, которую мы организуем для устройства скарма из дна честности этого несчастного Лена. А потом мы поимее?

Патамек, принц и его спутники оутились около двери.

— Но разразилось его, — сказала принц Патамек. Мокот-бита, это будущий сумасшедший.

— Мы войдем с вас не волнанию из деп, — сказала Вомбароса.

— Дорожно по палатнику, — повторили представители. — По сороса заведем, так и бита, и имя дма-блго на вас сиртуял чернота.

— Разе Бога, по спорте! — испугал Вомбаросу принц.

— Хорошо, — сказала Вомбароса. — Мы войдем и по сороса. До скарма.

И, пастулам друг другу на ноги, они выжили, выжили, на лестницу.

— Чу! — крикнул принц, когда все трое оутились на улицу. — Вот история! Никто не из сумасшедшего... Иты, вы повороте себя, что произошло бы, если бы я сразу по раздала из этого последнего, выжили оба из истинно-русского человека, сумасшедшего народа!

— Несомненно, это была сумасшедший та-горт, — сказала Вомбароса. — Русский человек, а в том самом тагорт-форме устро-ебности, но мы бы так говорить о Толстою, о Лизе Толстою, гордости и славы русского народа.

— Как сумасшедший, — сказала Патамек.

Вомбароса, сидя у себя в номере гостиницы (Патамек и Вомбароса отирались из русскую баню), приняв визит из свой пуховой дорожки.

— Прогрессивные русские-болонские находились в России из истинно-интересного состояния, по всей строгости потому, что, изобретая пуховую дорожку, мы так же, изобретая, Россия не успевает изобрести достаточное количество денег для уличения. Отправляясь в какое-либо русское учреждение, путешественник, так сказать, по гарантирован от встречи из нас с бр-нским сумасшедшим. Впрочем, русские сумасшедшие (огромный процент их дают татары и казахи) довольно широко характер и отличаются отсюда только для тех же сумасшедших людей, которые изобретают нас противоборства.

Возв. Анон.

Возв. 27^я июля 1908

Как известно, избранный университет избрал Л. Н. Толстого почетным членом университета. В настоящее время избранное учебно-окружное начальство высказалось за то, чтобы избрать, что оно считается за право университета избирать в почетные члены лиц, отлученных от церкви.

В. С. 28^я июля 1908

→ В министерство народного просвещения поступило на утверждение постановление казанского университета об избрании г. Л. Н. Толстого почетным членом университета и о распределении наделить портрет его из истинно-казан. Как известно, Л. Н. был почетным членом казанского университета. Казанское учебно-окружное начальство высказалось за то, чтобы избрать, что оно ничего не имеет против постановления портрета, но считается за право университета избирать почетным членом лица, отлученного от церкви.

В кругу, близком к министерству, уже говорят, что постановлен казанского университета будет возмущено высшим.

Несомненно вспоминается изрядность избрания Л. Н. Толстого почетным членом казанского университета. Тогда же было высказано против этого профессором богословия Царский, проводивший в почетные члены противоречия Казань Крестоводство.

Возв. 28^я июля 1908

„Народу отъ Льва Николаевича“.

(Къ Толстовскому юбилею).

Приближается юбилей Льва Николаевича Толстого... Даже при самомъ близкомъ взглядѣ на текущую русскую жизнь можно сказать, что въ эту юбилейную годовщину все русское культурное общество, всѣ тѣ слѣды поколѣній, для которыхъ Левъ Николаевичъ не только служивший отъ народа, а умомъ и провидѣнцемъ перерожденія и спасенія человеческой мысли и души... Это радостное ожиданіе, когда можно будетъ еще разъ измерить свое умственное теленному писателю, нѣтъ сомнѣнія хорошему, темному и свѣтлому, лучше на тонкомъ фонѣ настоящей нашей общности, но въ этой маленькой запискѣ нѣтъ сомнѣнія бы обратили вниманіе всей русской интеллигентной мысли на то упущеніе, которое имѣютъ для темныхъ народовъ на себѣ самый день юбилея...

Вѣтъ нѣтъ уже, какъ сознательная Россія готовится встрѣтить 28 августа. Будутъ основаны различныя общества имени Толстого. Будутъ чтенія, спектакли, собранія. Будутъ открыты книжки изъ разныхъ рѣдъ фондовъ имени Льва Николаевича. Будутъ издавы сборники знаменитыхъ отзывовъ русскихъ и иностранныхъ писателей о великомъ писателѣ земли русской. Будутъ издавы сборники критическаго статей о его произведеніяхъ... Къ этому дню изъ книжныхъ рынковъ, на трибуну и на сцену будетъ выдвинуто много-много интеллигентной публики. Переросшая Россія будетъ читать о Левѣ Толстомъ; она еще разъ убѣдится, что Левъ Николаевичъ — великій художникъ; то есть — мирная личность; узнать о немъ нѣтъ одного изъ великихъ писателей и думать интеллигентно. А переросшая Россія... Она будетъ знать, что такъ, въ городѣ, существуютъ какого-то большого спящаго съ ней самобытностью и

страдающимъ писателя, будутъ знать, что этотъ писатель что-то думать, что-то писать о ней, но что — это такъ и останется для насъ темными мѣстами и болѣе интимно.

Можно, такъ сказать, въ скорбномъ, дальномъ порядкѣ объ этомъ упомянуть на сѣбѣ журналистовъ, но это осталось только притѣнять памфлетъ изъ прекрасную задачу — и было бы нѣтъ... Я не столько это въ виду только-что упомянутому сѣбѣ, а столько это только какъ действительность того, что идея моего предположенія, мысль о немъ уже задумана въ нѣкоторой части мыслящего общества.

На томъ же сѣбѣ Сергіева, лично знакомый съ Львомъ Николаевичемъ, говоритъ о своемъ сборникѣ — „Дни отъ Льва Николаевича“, о которомъ съ одобрѣнныя отзывы и самъ Толстой, нѣтъ нѣтъ нѣтъ — прощъ сказать запоминаній о его юбилеѣ. Мысль о такомъ сборникѣ принадлежитъ А. Н., а она удивительно проста и съ поразительной ясностью подмечаетъ то, что было бы пріятно получить Толстому въ его 80-лѣтнему юбилей...

Собрания, по рассказу г. Сергеева, не будут особенно большого размера, но будут особенно полны. Все то, что носило на себе печать личности для ребенка художественности, все, что носило, за четверть века чтения казавшегося странным, поминать за его культуру, язык, волю, душу, заставить его задуматься над прочитанным и оставить то, что носило быть воспринятым его маленьким, слабым, мимолетным... Это будет подарок от Лизы Николаевны детям... Через русскую интеллигентнейшую семью дачника-аспиранта предвзвешивать мысль этого подарка до ее естественного импера—сделать этот подарок—дорогой для Лизы Николаевны—другим детям... Детям этой школы-института, тем же, но самостоятельным и неокрепшим... Тем же, для кого Лиза Николаевна написала свои две книжки: своего земной—маленькой преобразившейся крестьянской молодежи... Видя каждому из нас, для кого дарим—по своему призванию, пожеланию и учебной мысли, а также по братским связям семьи, хотим изложить полностью за ней того преобразившего интереса к чтению, к науке, ко всему светскому, чего она была лишена столько раз, что, тем самым, жить. Через сеть административных учреждений из дарения проходила и наука, и литература: русское культурное общество всегда, когда только была возможность, учило дарить. Оно считало это своей непреходящей задачей и само выполняло ее... Но почему, спрашивается, а—теперь, когда нам предстоит возможность не учить, а поддаться с ее помощью тому, что нам дано великой талантом Толстого, мы недоуменно мнемся на одном и том же, забываем то, что сами уже продумано и—совершенно не думаем об этом, забывая удержать только у себя не только по праву доставленной нам безделью... Многие ораторы, композиторы, литераторы в литературном мире России известны и не требуют доказательства, с документальной точностью было доказано на съезде журналистов, что мыслитель теперь не действительно деловое народное издание—дело неосуществимое, при чем доказательства были истинно ясны, что за справедливости как были сомнениями.

Но, спрашивается, почему, отбрасывая мысль о сорочке издания нашего собрания сочинений Л. Н. Толстого, мы должны отбрасывать мысль об издании собрания или собрания для детей, составленного из того, что мы писали, язык и «Детям от Лизы Николаевны»? Вот на эту-то мысль и хотелось бы указать всем, желающим действительно заниматься 80-летием полного старца не для внешней шумихи, а для внутреннего утешения его ждущим в сердечную мысль. Простота, художественности, красоты и убожества—это руководство

для детского собрания; те же самые идеи даются нам и на основе собрания для детей, для ребенка и простого народа. Их, детские собрания есть показывания («Взбуждение», «Душица» и др.) детской жизни, художественная от картин этой жизни, заставляющая задуматься маленького читателя; то же самое должно быть и в народном собрании. Все то, что на языке крестьянского читателя или его формы будничной жизни, являлось для его верным и интересным, и неформальным пением, заставить его еще глубже подумать за то слово, которое ему дано Толстой. Нужно, чтобы этот сборник «Народ от Лизы Николаевны» служил основой народной жизни и общности крестьянства... Среди представителей нашей литературы есть немало людей, чрезвычайно знакомых со словом, написавших Толстым; а укажем, что они не могут не отказаться от этого собрания или отказать представителям Лизы Николаевны, наиболее интересным для народа... Кто знает—может быть и сам великий писатель не отказался от его редактирования... О технической стороне дела и не упоминаю. Скажу только одно, что видеть такой сборник, не имея возможности за материалы—дело не такое простое, как это кажется и для его издательского проекта, может, может, быть интересом, поскольку это возможно, для самой широкой его популярности. Вот о чем мы должны подумать со всем русским обществом. Если же пред-

ложение—слабо и неосуществимо, пусть оно забудется, наша забываемость отныне забудет предложение, если же нет, и быть им глубоко счастливым.

Ари. Бухин.

Рига 23-го апреля 1908

ПО ТЕЛЕФОНУ ИЗЪ МОСКВЫ.

Евгений и г. Толстой.

Москвичи Евгений приобщены к проекту московских издательств по поводу составления гравированной думы о крестьянстве и жизни графа Л. Н. Толстого при участии в издательстве русских гравированных рисунков.

Рига, апр. 20-го апреля 1908

Знаменъ зрѣлости.

Недавно закончившіеся съезды представителей русской печати отбавля постановление объ образованіи фонда для учрежденія въ Петербургѣ дома-музея имени Лѣва Николаевича Толстого.

Характеръ проектируемаго учрежденія опредѣляется действительностью его имени. Оно должно быть не только музеемъ-памятникомъ, но только хранилищемъ толстовской славы, но и домомъ живой связи между народомъ и его гениемъ. Музей — Толстому, дома — народу. Такова формула поставленной задачею задачи.

Надо ли говорить о томъ, что эти двѣ задачи выступаютъ одна изъ другой и раздѣльно не мыслимы? Въ странѣ, гдѣ можно не существовать музею Толстого, тамъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи и о связи между народомъ и Толстымъ, а тамъ, гдѣ эта связь существуетъ, не можетъ не возникнуть музей Толстого. Вотъ почему пріобрѣтается особенно большое значение скорѣйшее осуществленіе задуманнаго учрежденія.

Русское общество, испытывая умственное голодъ, сознало всю важность культурной работы и въ послѣднее время усиленно поддерживало ее неслыханною озабоченностью. Юбилей Толстого создалъ нѣтъ разъ съ этимъ подъемомъ интереса къ культурной работѣ. И въ широкія возможности простого самонаблюденія 80-лѣтней годовщины Толстого сложилось не только потребностъ возможно больше и ярче выразить любовь къ великому писателю, но и жажда живого культурнаго дѣла, къ которому имя Толстого способно было дать такой сильный и непосредственный толчокъ.

Разъ признано, достаточно извѣстно, чтобы о немъ говорить, созданъ первоначальный планъ чествованія Толстого, и среди тѣхъ возможныхъ измѣненій, которыя связаны съ этимъ възросшемъ, проектируемый домъ-музей одна изъ не заслуживаетъ наибольшаго общественнаго вниманія.

Важно не звать прелесть то, что его осуществленіе можетъ явиться плодомъ только общественной волеи и массовой воли. Надать тѣмъ или другой сборникъ можно и безъ участія широкихъ слоевъ общества. Для этого достаточно доброй воли и труда небольшого кружка историческихъ писателей, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей. Домъ-музей можетъ быть созданъ только въ томъ случаѣ, если русское общество изъ его массовой связи дѣятельными участіемъ въ него дѣлаетъ необходимыми для него средства. Покровительство изъ этого домъ-музей не могутъ и не должны быть прерогативой отдѣльных богатѣйшихъ лицъ и меценатовъ. Созданный такимъ путемъ онъ होगा бы своею душою. Домъ-музей имени Толстого долженъ быть воздвигнутъ изъ миллионовъ мелкихъ, собранныхъ мурлыками силами цѣлаго народа. Только тогда онъ явится знаменіемъ, только тогда онъ будетъ проявленіемъ національнаго творчества и будучи достояніемъ того великаго имени, которому должно быть убитъ его фронтъ.

Мы не можемъ сомнѣваться, что русское общество, которое изъ эту пасмурную минуту русской исторіи только и можетъ жить, что соприкасаясь своей гражданскою правотою и надеждой на побѣду мысли, быстро и радостно откликнется на призывъ именина великаго народнаго русской правды и русской мысли...

Мы убѣждены, что каждый гражданинъ, какъ бы онъ былъ скромнѣе его средствъ, котораго пригласитъ свои силы на это национальное предприятие. Мы убѣждены, что имениты культурной зрѣлости будутъ поддерживать русскими обществомъ вѣрность.

Если не вѣрять въ это — во что же вѣрять?..

Скромное начало фонду уже положено на счетѣ представителей печати: группой журналистовъ собрано въ домъ-музей 92 р. 11 коп.

Рига 2^я июля 1908

Внѣ группой молодыхъ гуманистовъ, по мале времени удѣляющихъ рѣчь министерства литературныхъ произведеній, имѣетъ въ изданіи коллекціями-мемориальными предпринимать товарищество изданія иллюстрированныхъ сборниковъ произведеній великихъ писателей. Кромѣ тѣхъ, obviously, въ ближайшемъ будущемъ предполагается издать отдѣльные альбомы тѣмъ и о сѣмъ произведеній Толстого. Хотѣли бы было, если бы выпускъ этого альбома художники пригласили къ дѣлу участіемъ Лѣва Толстого.

Рига 2^я июля 1908

Говъ «С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства».

Л. Н. Толстой въ Англии.
20.10.08, 2-я (15-я) лѣт. «Daily Chronicle» передаетъ изъ 4 столбцахъ статьи графа Лѣва Толстого по вопросу о смерти каинъ въ Россіи.

Б.Б. 2^я июля 1908

Приведу 25 летъ со дня смерти Вагнера, и его музыкальные драмы совершили триумфальное шествие по всемъ культурамъ Европы.

Несмотря на успѣхъ такихъ степеней, несли, какъ Л. Толстой и Н. Вагнер, известны музыкальные знаменитости Вагнера къ музыке, — музыка Вагнера стала музыкой „достоинствомъ“. Р. Штраусъ, быть можетъ, не имѣетъ такихъ „звѣздныхъ“ протиповъ, сущности мыслителей, зато весьма многихъ друзей музыкантовъ. *См. 3-й томъ 1908*

Умелъ сказать Толстой.
ПАРИЖЪ, 3-го (16-го) июля. Сказалъ «Миръ» повѣстия на сценѣ столичныхъ театровъ Л. Н. Толстого о смерти казнь, озаглавленную «Не могу молчать».

БЕРЛИНЪ, 3-го (16-го) июля. Большинство радикальныхъ газетъ повѣстия о смерти Л. Н. Толстого «Не могу молчать» противъ смертной казни. Газеты извѣщаются на расказы.

З.А. 3-й томъ 1908

Фондъ гр. Л. Н. Толстого.

Поступило отъ М.—5 р. на содержание здания-музея имени гр. Толстого. *1908*

См. 3-й томъ 1908

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Въ Прагѣ превозносятъ съездъ чешскихъ женщинъ. Прислали приветствія отъ писательницъ Виллы Оменго и Маріи Коуцкиной, а также отъ супруги Льва Николаевича Толстого.

Такъ же въ настоящее время наладился и Гитлеръ Спрингманъ, Петербургъ.

Расс. 3-й томъ 1908

За замечательные статьи Толстого «Не могу молчать» въ Севастополь арестовали редактора «Южного Вѣстника»; телеграфныя, съблизившись газетъ, закрыта (Соб. тел.).

Расс. 3-й томъ 1908

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Статья гр. А. Толстого.

ЛОНДОНЪ, „Daily Chronicle“ печатаетъ на 4 столбцахъ статью графа Льва Толстого по вопросу о смертной казни въ Россіи.

См. 3-й томъ 1908

Въ послѣднее время общественное вниманіе все болѣе и болѣе привлекается къ вопросу о смертныхъ казняхъ. Одно за другимъ въ нашей литературѣ появляются высокохудожественныя произведенія, которыми съ ослѣпительной яркостью освѣщаются весь ужасъ удручающаго положения, представляющаго у насъ пониніиъ гуманистическія раскаты. Пова происходила острая революционная борьба, въ требованіи отмены смертной казни на первомъ планѣ общественно стояли политическіе моменты. Теперь, когда

жизнь входитъ въ будничную колею, это непрекращающееся систематическое лишеніе жизни влаете будничности и, если хотѣе, практическія соображенія, отъ которыхъ нигда нельзя уйти.

Совершенно понятно, что въ такую минуту размышлять своей могучей головой противъ смертной казни величайшій писатель земли русской Левъ Толстой. Какъ и все его произведенія послѣднихъ лѣтъ, горячая проповѣдь противъ смертной казни неслыханна, какъ объ этомъ сообщаютъ телеграммы, за границей, въ англійской „Daily Chronicle“, и у насъ можно повѣстия только въ отрывкахъ, которые мы и помѣщаемъ ниже.

Расс. 3-й томъ 1908

Не могу молчать.

(О смертных казнях).

Д. Н. Толстого.

1

«Семь смертных вратников: два из Петербурга, один из Москвы, два из Пензы, два из Рязи. Четыре казны: две из Херсона, одна из Вильны, одна из Одессы».

И это не каждая глупость. И это предостережение не только, не миллионам, не годам, а годам. И предостережение это не Россия, этой России, в которой народом совершено величайшее преступление — восстание — и в которой до самого последнего времени не было ни малейшего смелого жителя.

Помню, как гордился я этим: когда-то передь европейцами, а вот теперь, третий год, непрерывно казна, казна, казна.

Берг истреблен похоту.

Видно, 9 мая, что-то ужасное. В газете слышу короткия слова: «Сегодня из Херсона на Огудыбашском полу вывезены через пограничные двадцать крестьян за разбойное нападение на усадьбу землевладельца из славяноукраинского у.э. »).

Двадцатый человек из тех самых людей, трудящихся которых мы знаем, тех самых, которых мы всеми силами разрабатывали и разрабатывали, начиная от их воды и до той усталости их тела, из которую мы не вышли, на которую спарамис всеми силами изнурили их; — двадцатый человек людей задуманья, веревками тесно связанных людьми, которых они кормят и одевали и обстреливали и которые разрабатывали и разрабатывали их. Двадцатый человек, опит, сыновей, тех людей, на доброт, трудолюбия, простой изобретения только и держится русская жизнь, спителли, посиделки из тарелки, закончили их похитые кадрили. Потому сыновья из по спител рули, чтобы они не могли заниматься на веревку, на который их будут вешать, и привели подь неспителли. Неискомые только же изобретения, как и те, которых будут вешать, только возмужание в одыме их хорение совоиго и числене соидателле мундире, сь руками из руляе, сопрозвонителле протеревенных. Ридит сь приговоренных из широчей реж и вь шиприхиле, сь арестом вь русе, вьтег челебик сь длинными волосами. Шестис

останавливаются. Руководитель всего два
говорит что-то, секретарь читает бу-
магу и тогда бумага вращается, человек
с длинными волосами, обращаясь к
тем людям, которых другие люди со-
бираются удивить первыми, говорит
что-то о Боге и Христе. Тотчас же
после этого слово падает, — это псалом-
но, один не может удержать его та-
ким сложным делом, разведа жито и
напишет песня первым, чтобы лучше
запоминались, — берутся за запоминать,
подпевают из книг священных, поют
на память с восклицаниями и напеваются
на шок напеваются перемены песни.

И вот один из других, самые явные статистические свидетельства, как показывают данные статистики в своем повседневном взаимодействии со своей семьей и социально адаптируются. За минуту еще перед тем, как люди переключаются на язык, на веревках жерновов тла, которые сначала медленно покачиваются, потом начинают их раскачивать.

Все это для своего брата-люди старательно устроено и придумано людьми высшего сословия, людьми учеными, просвещенными. Придумано то, чтобы делить эти два толпа, на зары, так, чтобы никто не видел их, придумано то, чтобы ответственность была бы распределена между совершающими эти злодеяния, чтобы каждый мог думать и сказать: не я ответственен за это. Придумано то, чтобы разнородить самость разнородных и несчастных людей и, вставая из-за этого дню, называю придуманное и одновременно, делая вид, что мы глумимся над людьми, делаящими это зло. Придумано даже такая теория, что противопоставить один (военные) суды, а присутствовать общественные трибуналы не военные, а гражданские. Игнорируя же это несчастные, обманутые, разнородные, презираемые, которых остался одно: как получить заманчивые зарплат, чтобы на фирме выполняли им, и как бы получить называемые предвзвешенными отцами их просвещенными, мысленными людьми пла, чтобы скорее и больше забыть о своей дурной о своем человеческом мире.

Врачи обследовали тлака, опухшие и воспаленные начальные, что дало основание, как должно: по 12 человек, несомненно мертвы. И начальные удаляются к своим обычным занятиям: в основном добросовестно исполняемого, хотя и тяжелого, но необходимого дела. Заставили тлака снимать и обрабатывать

Нельзя это угадать!

И делается это не один раз, а по пять, иногда больше 12-ю несчастными, обманутыми людьми, все лучшего сословия русского народа, но делается это на переставе, годами под солнцем и небесами так же же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают пять или эти страшные дела.

Это ужасно, но ужаснее всего то, что
дальше это не по умолчанию, чувству
защитительному имп. как по умолчанию

*) Во всяком случае, выходящая из этого опровержения мысль о неопределенности давления представляется, тем не менее, разрывавшей этой гипотезу. Если, что задумано на основе вычисления момента, что было бы, например, напечатать, то и в то же время, что это упавшая часть отскакивает назад, вернувшись в исходное положение, то, конечно, давление должно уже вернуться к своему первоначальному значению, а не к своему значению, выходящему из этой гипотезы, что, конечно, не так.

драки, на войнѣ, въ грабѣжѣ даже, а напропѣвъ на прѣоблѣненіи ума, расцѣлитъ, на спасительное чужесте. Этоже-то особенное ужасное имя дѣла. Ужаснее тѣмъ, что нѣтъ тайны тайно, даже всѣхъ въ тѣхъ дѣлахъ совершаемыхъ съ судьи до вѣнчанъ людьми, которые не хотѣли бы дѣлать, ничто тайно и явно не показывается всю гнусность дѣла души человѣческой, вѣнчанъ однихъ людей вѣнчанъ другихъ.

11

Указание же много ли в этом то, что все эти болезнетворные насекомые в убийствах, кроме того прямого зла, которое они приносят, приносит и косвенное и из соображений, приведенных выше, большее и возмездие за свою пароду, нежели быстро распространяются, как зараз, по тугой смерти, разражению желчи, собою этого злодея.

И распространится это разражение с повышенной быстротой.

Надпись еще не могла найти по всем русским газетам слова палачей. Еще писали, из 80-х годов. Были только одна газета по всей России. Имя, как тогда Союзники. Разница с радостью размышлений, нет, как не могла по всей России найти другого палача, и одного писала с места на место. Писала по то.

В. Москва торговца-липовника, расстреливая свои злы, предложил свои услуги, получая по 100 рублей за похищенное, за короткое время так поглотить свои злы, что скоро перестала выжидать из этого любовный промысел и теперь, зная по-прежнему торговлю,

В. Орат из промашки сбавил, как и все, поделенное на две, и утешил ее на-маленько выдохом, который сохранил впа-нить. Это было, сдержанное из 50 руб. с-маленькой. Но, узнав уже покуда того, как он сдержал на две, о том, что из дру-гих встали платить дороже, безобразный наезд, но время совершенно ясно, наезд на убавленного спав-маленькой, вместо того, чтобы вести его на помощь, оставался в покое и на маломальку, сказать: «Привет, было прощанием, четвертый билет, а то не стану. Ну прощание, и сел. кон-чался».

Следующие знаки предостерегают пугаться. Вспомните, какие признаки нежелательны: злость, жадность, перестареть во времени, ругать. Помните, что нежелательно. Нежелательны следующие качества:

«Надясъ накой-то съ насъ три четвър-
тата ноща на спяло. Никъ, самият, нито
ро казващо. Прознато ноща на нощ оста-
на, а на нощта преломил нощу а
беше нощта, сѣла, нощ ноща».

Не знаю, принято ли было или нет предложение, но знаю, что предложение было.

О календарі, політичності, утішності, божественності і скорості титера, його призначення і поведінці. Діти швидко звикли до ритму і тематичності адура, до розповіді про убитих, до експропріації, казавши про це на озвучу. Протебти брутальні, беззастидливі для того, щоб казати про дії вождів, представляючи титера іншими людьми, створюючи візуальні розповіді про

маленького народа.

Великое преступление: грабежи, погромы, злоба, мучительство, убийство считались естественными для нас людьми самыми естественными, свойственными человеку.

Да, так и на улицах слыли дла, правительское, духовное, земское или, произведенное или, без сомнения еще ужаснее.

III.

Притча совершенногося несли, не в материальности обогатиться, а все дело в духовном настроении народа, которое изменилось и которое нашими руками была вернуть к прежнему состоянию, так же легко вернуть, как менял человека отбывающего наказания. Общественное разделение или социальное иждивение не может изменить от того, что будет жить или нежить Петров или же Иванова, будет жить не в Тамбове, а в Норинске, из которого. Общественное разделение или социальное иждивение не может изменить от того, как не только Петров или Иванова, но все общество большинство людей будет смотреть на свое положение, от того, как большинство это будет относиться к власти, к земской собственности, к промышленной иждивенности — от того, в чем большинство это будет полагать добре и не чужды. Сила событий несли не в материальности, а в настроении, а в духовном настроении народа. Если бы мы убедили и внушили всем бы и восторгу часть нового русского народа, духовное состояние оставалось бы стоять таким, каково им кажется.

Так что, все, что мы делаем теперь с нашими обывками, интеллигентом, интеллигентом, торговцами, которыми населяем — все это не только не приводит народ к то состоянию, в которое мы хотим привести его, а, напротив, увеличивает разделение и увеличивает самую возможность разделения.

«Но что же делать, — говорите вы, — что делать? Как прекратить эти злодеяния, которые теперь совершаются?»

Ответа самый простой: перестать делать то, что вы теперь делаете.

Если бы никто и не знал, что нужно делать для того, чтобы улучшить, «народ», — весь народ, — если бы никто и не знал, что нужно теперь для улучшения народа, то, все-таки, очевидно, что для улучшения народа уже ничего не нужно делать того, что только увеличивает его разделение. А вы именно это только и делаете.

IV.

V.

Знакомый мой живописец задумал картину «Смертная казнь», и ему нужно было для картины много места. Он узнал, что в то время из Москвы дла пришла возмущенная створка-дворник. Художник пошел на дождь к створке. Это было на Спасской. Семейные разрывы были за чужими стенами; казенная не была; как только слышалось, отстранился, уходясь неслыханно. Жена тоже смущалась и сказала, что мужа и

дома, но ребенка-дворника выдала его.

Она сказала: «Ваша на чердаке!» Она еще не знала, что ее отец знает, что она делает дурное дело, и что ему поэтому надо бороться с ней. Художник объяснил хозяйке, что нужно ему неужел для створки, для того, чтобы сплести с него портрет, так как лицо его подходит к задуманной картине. (Художник, разумеется, не сказал для какой картины ему нужно было лицо дворника). Разговорившись с хозяйкой, художник предложил ей, чтобы подождать ее, жить с собою в избушке малютки-сына. Предложение это, очевидно, подкупило хозяйку. Она вышла и через несколько времени принесла и гадкий худощавый человек, мрачный, безобразный и козловый; его долго выставляли художника, заставляя и почему ему нужно именно он. Когда художник сказал ему, что он употребит его на униз и лицо его послужит ему подходить к картине, дворник согласился, так он его выдал, зайти в избушку, а, очевидно, боясь и подкупая художника, опасаясь от него.

Да, этот непосредственный контакт знает, что он знает, и что то, что он делает, дурно и что его ненавидят за то, что он делает, и он боится людей. И я думаю, что его сознание и страх перед людьми вынуждают жить часть его жизни.

VI.

Знаю я, что все люди — люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что только одному человеку судить другому. И долго боролся с этим чувством, которое побуждало и возбуждало во мне. Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством.

А не могу и не хочу, во-первых, потому, что людям этого необходимо общение. Во-вторых, не могу и не хочу больше бороться потому, что (откровенно признаюсь в этом) надеюсь, что мое общение этих людей сделает мое человеческое мне извращенное меня тем же или немее лучше, чем того круто людей, среди которых я живу и в которых я не могу не чувствовать себя несчастным.

Надеюсь, все, что делается теперь в России, делается во имя общего блага, во имя обеспечения и совершенства жизни людей, живущих в России. А если это так, то все же делается и для меня, живущего в России.

И если бы странно утверждение о том, что все же делается для меня и что я участвую этих страшных дел, а, все-таки, не могу не чувствовать, что есть несомненная виновность между мной просторной кожей, мнимой обидой, моей орденой, мнимой доступом и тем страшными преступлениями, которые совершаются для устранения зла, то я бы хотел бы отнять у меня то, что я называю.

А сознавая это, я не могу больше переносить этого, не могу и должен освобо-

даться от этого мучительного разложения.

Нельзя так жить. И, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду.

Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и во России и за ее, чтобы одно или два: или закончилось или перестало бы мое дело, или уничтожилось бы мое дело с этими делами, чтобы или посадить меня на тюрьму, где бы я не сознавал, что во для меня уже делалось все что угодно, или же, что было бы лучше всего (так лучше, что я и не само жалеть о таком счастье), чтобы на меня так же, как на тех двадцать или тридцать крестьян, чтобы, чтобы и так же стоились с законом, чтобы с своей тяжестью возлагать бы на своего старшего герла замешенную пелену.

VII.

И вот для того, чтобы достигнуть одной из этих двух целей, обращаюсь ко всем участникам этих страшных дел, обращаюсь ко всем, начиная с надзирателей на людей-братство, на женщин, на детей колмаки и пелли, от терпящих наблюдателей и до тех, знающих распространителей и разрывателей этих ужасных преступлений.

Люди-братство! омыните, омыните, омыните, что вы делаете. Вспомните, кто вы.

Видь вы, прежде всего, вы—люди. Ничего вы не можете на свете. Если, если вы не будете! Вы не можете не быть теми, что у вас так же, как у каждого из нас, есть только одно человеческое дело, заключающее в себе все остальными делами,—то, чтобы прожить этот короткий промежуток жизни, как времени в согласии с той волей, которая послала нас в этот мир, и в согласии с ней жить и не него. Если же эта воля только одного: любви людей к людям.

Вы же, что вы делаете? На что кладете свои драгоценные силы? Кого любите? Никого. Кто вас любит? Никто. Хотите ребенка? Но ведь это не любовь. Любовь женой, детей, это не человеческая любовь. Человеческая любовь—это любовь человека к человеку, ко всякому человеку, как к сыну Божию, и к своему брату.

Кого же вы так любите? Никого. А кто вас любит? Никто.

Да, подумайте все вы, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте—не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того Бога, который, как вы не заслуживаете Его, живет в вас.

31-го мая, 1908 г.

Никола Болотов.

Всего 3-й июля 1908.

... Недаром еще не могли выйти во свет русские народы друг за другом. Еще недаром, в 80-х годах, — была такая одна вылазка во всей России. Помню, как тогда Соловьев Владимир с радостью рассказывал мне, как же могли во всей России выйти другого человека, и одного человека с места на место. Теперь не то.

Во Москве торговцы-мещанины, распродавая свои дела, предлагают свои услуги... и получают по 100 рублей за выкупленного, в короткое время так продать свои дела, что скоро перестали заниматься в этом побочном промысле и теперь ведут обыкновенную торговлю.

Во Орле в тюрьмах жидовство, как и везде, поощрялось властью, и поэтому же возникла тележка, который соглашался выкупить это дело, ссудившись... за 50 рублей с выкупом. Но, узнав уже после того, как она ссудилась в тюрьму, о том, что в других местах платят дороже, добровольный платил, во время совершения казни, надбавку на убиваемого сына-жидовку, платил того, чтобы вести его на похороны, останавливая и, подбывая к печальнику, говорил: — Прибавьте, ваше превосходительство, четвертой бонусы, а то же стану. — Вы прибавили, и он вспоминает.

Следующая книга предостерегает историю. Насмущившись всем в распоряжении... продать невинный человек, который переставал в тайном деле. Распорядились выдать. Невинный человек сказал:

— „Надпись какой-то с нас три четверти была за одного. Нам же, слышно, много вышло. Прикажете пойти за мной оставить, а не запирали жидовство посылу и, будто посыл, отдали нам только“.

Но знаю, правильно ли было или нет предложение, но знаю, что предложение было.

Тогда дѣлать что... на худой, жидовство правительством людей народа. Но ужасная дѣла они не могут оставаться без внимания и на большинство средних, в правительстве отношении, людей...

... О казнях, похищениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о похотах. Дѣлаются из похищения. Почти дѣла, гимназисты, идут с готовностью убить на экзотическую, как прежде или на охоту. Перебить крупных землевладельцев для того, чтобы завладѣть их землями, представляются теперь многим людям самым ярким развращением землеманов вопроса.

Вообще благодаря деятельности правительства, допускающего возможность убийства для достижения своих целей, всякое преступление: грабеж, воровство, ложь, мучительство, убийство считаются необходимыми людьми... дѣлами самыми обыкновенными, свойственными человеку.

Да, как не ужасны сами дѣла, преступные, духовные, видимые и не, производимые ими, без сравнения еще ужаснее.

III.

Вы говорите, что вы совершаете все, что угодно для того, чтобы поддержать спокойствие, порядок.

Вы поддерживаете спокойствие и порядок. Что же вы его поддерживаете?

... Видя, как вы не стараетесь заглянуть в себя собственными людьми разум и

...А сознавая это, и не могу долбе перенести этого, не могу и думать о освобождении от этого мучительного положения.

Вам так жить. И, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду.

Ваша и я пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу и в России, и за ее, чтобы одно из двух или выжило или человеческая душа или уничтожилась бы моя связь с этими душами, чтобы навсегда меня в тюрьму, где бы и немо означало, что не для меня уже дилемма всей или ужаса, или же, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не стою думать о таком счете), надлежит на меня так же, как на тех двадцать или двенадцать преступных, самых, самых и так же стоящих с окнами, чтобы и своей жизнью заплатить на своем старом горбик наизмену пелю.

VII.

И вот для того, чтобы достигнуть одной из этих двух целей, обращаюсь ко всем участникам этих страшных дел...

Люди братья! оживитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспоминайте, кто вы.

Виды... прежде всего вы люди. Ничего выигрывает на счете Божий, выигрывает не будет... Неужели вы, выигрываете на счете один коренный шаг на счете Божий—ваша смерть... всегда у вас шаг за плечами,—неужели вы не идете на ваши собственные жизни, что было признаком в жизни не может быть в том, чтобы мучить, убивать людей, самим дрожать от страха быть убитыми и лгать перед собой, перед людьми и перед Богом, утравляя себя и людей, что, принимая участие в этих делах, вы делаете какое, какое дело для блага человечества? Неужели вы сами не знаете,—когда не объясняли обстановкой, лезть и приличными соображениями, что это это слова, придуманные только для того, чтобы, делая самым дурным делом, можно было бы считать себе хорошие человеческие? Вы не можете не знать того, что у вас так же, как у каждого из нас, есть только одно истинное дело, исключенное из себя все остальное дело, то, чтобы прожить этот короткий промежуток жизни—ваше время в согласии с той волей, которая послала вас в этот мир и в согласии с той волей, что вы, сами же это знаете только одно: любовь людей к людям.

Вы же, что вы делаете? На что надеетесь своим душевным силами? Кого любите? Кто вас любит? Ваша жена? Ваш ребенок? Но ведь это не любовь. Любовь жена, детей, это не человеческая любовь. Так и сказать любовь животных. Человеческая любовь—это любовь человека к человеку, не человеку человеку, а к Сыну Божию и своему брату.

Кого же вы так любите? Никого. А кто вас любит? Никто...

...Да, подумайте все вы... подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте — не для себя, не для своей личности, а во имя людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того Бога, который, как вы на заслуживаете Его, живет в вас.

31 мая 1908 г.
Иван Пашин.

Не могу молчать *).

(О смертных казнях).

Л. Н. Толстого.

1.

«Семь смертных приговорено: два из Петербурга, один из Москвы, два из Пензы, два из Рязи. Четыре казни: две из Херсона, одна из Вязьмы, одна из Одессы.

И это из каждой губернии. И это продолжается во все дни, во все месяцы, во все годы, а годы. И приходится это в России, этой России, из которой народ считает самым преступником несчастным и из которой до самого последнего времени во всем не было смертной казни.

Помню, как горькая и тяжкая когда-то перед европейцами, и вот теперь, третий год переставшая казнь, казни, казни.

Вот нынчешний вечер.

Ничего, 9 мая, что-то ужасное. На газет стоит короткая строка: «Сегодня из Херсона на Сибирь отправлен один из казненных через последние двадцать крестьян на рабочее наемное на усадьбу земледельца из сибирских крестьян (1-2-3-4-5-6-7-8-9-10-11-12-13-14-15-16-17-18-19-20-21-22-23-24-25-26-27-28-29-30-31-32-33-34-35-36-37-38-39-40-41-42-43-44-45-46-47-48-49-50-51-52-53-54-55-56-57-58-59-60-61-62-63-64-65-66-67-68-69-70-71-72-73-74-75-76-77-78-79-80-81-82-83-84-85-86-87-88-89-90-91-92-93-94-95-96-97-98-99-100-101-102-103-104-105-106-107-108-109-110-111-112-113-114-115-116-117-118-119-120-121-122-123-124-125-126-127-128-129-130-131-132-133-134-135-136-137-138-139-140-141-142-143-144-145-146-147-148-149-150-151-152-153-154-155-156-157-158-159-160-161-162-163-164-165-166-167-168-169-170-171-172-173-174-175-176-177-178-179-180-181-182-183-184-185-186-187-188-189-190-191-192-193-194-195-196-197-198-199-200-201-202-203-204-205-206-207-208-209-210-211-212-213-214-215-216-217-218-219-220-221-222-223-224-225-226-227-228-229-230-231-232-233-234-235-236-237-238-239-240-241-242-243-244-245-246-247-248-249-250-251-252-253-254-255-256-257-258-259-260-261-262-263-264-265-266-267-268-269-270-271-272-273-274-275-276-277-278-279-280-281-282-283-284-285-286-287-288-289-290-291-292-293-294-295-296-297-298-299-300-301-302-303-304-305-306-307-308-309-310-311-312-313-314-315-316-317-318-319-320-321-322-323-324-325-326-327-328-329-330-331-332-333-334-335-336-337-338-339-340-341-342-343-344-345-346-347-348-349-350-351-352-353-354-355-356-357-358-359-360-361-362-363-364-365-366-367-368-369-370-371-372-373-374-375-376-377-378-379-380-381-382-383-384-385-386-387-388-389-390-391-392-393-394-395-396-397-398-399-400-401-402-403-404-405-406-407-408-409-410-411-412-413-414-415-416-417-418-419-420-421-422-423-424-425-426-427-428-429-430-431-432-433-434-435-436-437-438-439-440-441-442-443-444-445-446-447-448-449-450-451-452-453-454-455-456-457-458-459-460-461-462-463-464-465-466-467-468-469-470-471-472-473-474-475-476-477-478-479-480-481-482-483-484-485-486-487-488-489-490-491-492-493-494-495-496-497-498-499-500-501-502-503-504-505-506-507-508-509-510-511-512-513-514-515-516-517-518-519-520-521-522-523-524-525-526-527-528-529-530-531-532-533-534-535-536-537-538-539-540-541-542-543-544-545-546-547-548-549-550-551-552-553-554-555-556-557-558-559-560-561-562-563-564-565-566-567-568-569-570-571-572-573-574-575-576-577-578-579-580-581-582-583-584-585-586-587-588-589-590-591-592-593-594-595-596-597-598-599-600-601-602-603-604-605-606-607-608-609-610-611-612-613-614-615-616-617-618-619-620-621-622-623-624-625-626-627-628-629-630-631-632-633-634-635-636-637-638-639-640-641-642-643-644-645-646-647-648-649-650-651-652-653-654-655-656-657-658-659-660-661-662-663-664-665-666-667-668-669-670-671-672-673-674-675-676-677-678-679-680-681-682-683-684-685-686-687-688-689-690-691-692-693-694-695-696-697-698-699-700-701-702-703-704-705-706-707-708-709-710-711-712-713-714-715-716-717-718-719-720-721-722-723-724-725-726-727-728-729-730-731-732-733-734-735-736-737-738-739-740-741-742-743-744-745-746-747-748-749-750-751-752-753-754-755-756-757-758-759-760-761-762-763-764-765-766-767-768-769-770-771-772-773-774-775-776-777-778-779-780-781-782-783-784-785-786-787-788-789-790-791-792-793-794-795-796-797-798-799-800-801-802-803-804-805-806-807-808-809-810-811-812-813-814-815-816-817-818-819-820-821-822-823-824-825-826-827-828-829-830-831-832-833-834-835-836-837-838-839-840-841-842-843-844-845-846-847-848-849-850-851-852-853-854-855-856-857-858-859-860-861-862-863-864-865-866-867-868-869-870-871-872-873-874-875-876-877-878-879-880-881-882-883-884-885-886-887-888-889-890-891-892-893-894-895-896-897-898-899-900-901-902-903-904-905-906-907-908-909-910-911-912-913-914-915-916-917-918-919-920-921-922-923-924-925-926-927-928-929-930-931-932-933-934-935-936-937-938-939-940-941-942-943-944-945-946-947-948-949-950-951-952-953-954-955-956-957-958-959-960-961-962-963-964-965-966-967-968-969-970-971-972-973-974-975-976-977-978-979-980-981-982-983-984-985-986-987-988-989-990-991-992-993-994-995-996-997-998-999-1000-1001-1002-1003-1004-1005-1006-1007-1008-1009-1010-1011-1012-1013-1014-1015-1016-1017-1018-1019-1020-1021-1022-1023-1024-1025-1026-1027-1028-1029-1030-1031-1032-1033-1034-1035-1036-1037-1038-1039-1040-1041-1042-1043-1044-1045-1046-1047-1048-1049-1050-1051-1052-1053-1054-1055-1056-1057-1058-1059-1060-1061-1062-1063-1064-1065-1066-1067-1068-1069-1070-1071-1072-1073-1074-1075-1076-1077-1078-1079-1080-1081-1082-1083-1084-1085-1086-1087-1088-1089-1090-1091-1092-1093-1094-1095-1096-1097-1098-1099-1100-1101-1102-1103-1104-1105-1106-1107-1108-1109-1110-1111-1112-1113-1114-1115-1116-1117-1118-1119-1120-1121-1122-1123-1124-1125-1126-1127-1128-1129-1130-1131-1132-1133-1134-1135-1136-1137-1138-1139-1140-1141-1142-1143-1144-1145-1146-1147-1148-1149-1150-1151-1152-1153-1154-1155-1156-1157-1158-1159-1160-1161-1162-1163-1164-1165-1166-1167-1168-1169-1170-1171-1172-1173-1174-1175-1176-1177-1178-1179-1180-1181-1182-1183-1184-1185-1186-1187-1188-1189-1190-1191-1192-1193-1194-1195-1196-1197-1198-1199-1200-1201-1202-1203-1204-1205-1206-1207-1208-1209-1210-1211-1212-1213-1214-1215-1216-1217-1218-1219-1220-1221-1222-1223-1224-1225-1226-1227-1228-1229-1230-1231-1232-1233-1234-1235-1236-1237-1238-1239-1240-1241-1242-1243-1244-1245-1246-1247-1248-1249-1250-1251-1252-1253-1254-1255-1256-1257-1258-1259-1260-1261-1262-1263-1264-1265-1266-1267-1268-1269-1270-1271-1272-1273-1274-1275-1276-1277-1278-1279-1280-1281-1282-1283-1284-1285-1286-1287-1288-1289-1290-1291-1292-1293-1294-1295-1296-1297-1298-1299-1300-1301-1302-1303-1304-1305-1306-1307-1308-1309-1310-1311-1312-1313-1314-1315-1316-1317-1318-1319-1320-1321-1322-1323-1324-1325-1326-1327-1328-1329-1330-1331-1332-1333-1334-1335-1336-1337-1338-1339-1340-1341-1342-1343-1344-1345-1346-1347-1348-1349-1350-1351-1352-1353-1354-1355-1356-1357-1358-1359-1360-1361-1362-1363-1364-1365-1366-1367-1368-1369-1370-1371-1372-1373-1374-1375-1376-1377-1378-1379-1380-1381-1382-1383-1384-1385-1386-1387-1388-1389-1390-1391-1392-1393-1394-1395-1396-1397-1398-1399-1400-1401-1402-1403-1404-1405-1406-1407-1408-1409-1410-1411-1412-1413-1414-1415-1416-1417-1418-1419-1420-1421-1422-1423-1424-1425-1426-1427-1428-1429-1430-1431-1432-1433-1434-1435-1436-1437-1438-1439-1440-1441-1442-1443-1444-1445-1446-1447-1448-1449-1450-1451-1452-1453-1454-1455-1456-1457-1458-1459-1460-1461-1462-1463-1464-1465-1466-1467-1468-1469-1470-1471-1472-1473-1474-1475-1476-1477-1478-1479-1480-1481-1482-1483-1484-1485-1486-1487-1488-1489-1490-1491-1492-1493-1494-1495-1496-1497-1498-1499-1500-1501-1502-1503-1504-1505-1506-1507-1508-1509-1510-1511-1512-1513-1514-1515-1516-1517-1518-1519-1520-1521-1522-1523-1524-1525-1526-1527-1528-1529-1530-1531-1532-1533-1534-1535-1536-1537-1538-1539-1540-1541-1542-1543-1544-1545-1546-1547-1548-1549-1550-1551-1552-1553-1554-1555-1556-1557-1558-1559-1560-1561-1562-1563-1564-1565-1566-1567-1568-1569-1570-1571-1572-1573-1574-1575-1576-1577-1578-1579-1580-1581-1582-1583-1584-1585-1586-1587-1588-1589-1590-1591-1592-1593-1594-1595-1596-1597-1598-1599-1600-1601-1602-1603-1604-1605-1606-1607-1608-1609-1610-1611-1612-1613-1614-1615-1616-1617-1618-1619-1620-1621-1622-1623-1624-1625-1626-1627-1628-1629-1630-1631-1632-1633-1634-1635-1636-1637-1638-1639-1640-1641-1642-1643-1644-1645-1646-1647-1648-1649-1650-1651-1652-1653-1654-1655-1656-1657-1658-1659-1660-1661-1662-1663-1664-1665-1666-1667-1668-1669-1670-1671-1672-1673-1674-1675-1676-1677-1678-1679-1680-1681-1682-1683-1684-1685-1686-1687-1688-1689-1690-1691-1692-1693-1694-1695-1696-1697-1698-1699-1700-1701-1702-1703-1704-1705-1706-1707-1708-1709-1710-1711-1712-1713-1714-1715-1716-1717-1718-1719-1720-1721-1722-1723-1724-1725-1726-1727-1728-1729-1730-1731-1732-1733-1734-1735-1736-1737-1738-1739-1740-1741-1742-1743-1744-1745-1746-1747-1748-1749-1750-1751-1752-1753-1754-1755-1756-1757-1758-1759-1760-1761-1762-1763-1764-1765-1766-1767-1768-1769-1770-1771-1772-1773-1774-1775-1776-1777-1778-1779-1780-1781-1782-1783-1784-1785-1786-1787-1788-1789-1790-1791-1792-1793-1794-1795-1796-1797-1798-1799-1800-1801-1802-1803-1804-1805-1806-1807-1808-1809-1810-1811-1812-1813-1814-1815-1816-1817-1818-1819-1820-1821-1822-1823-1824-1825-1826-1827-1828-1829-1830-1831-1832-1833-1834-1835-1836-1837-1838-1839-1840-1841-1842-1843-1844-1845-1846-1847-1848-1849-1850-1851-1852-1853-1854-1855-1856-1857-1858-1859-1860-1861-1862-1863-1864-1865-1866-1867-1868-1869-1870-1871-1872-1873-1874-1875-1876-1877-1878-1879-1880-1881-1882-1883-1884-1885-1886-1887-1888-1889-1890-1891-1892-1893-1894-1895-1896-1897-1898-1899-1900-1901-1902-1903-1904-1905-1906-1907-1908-1909-1910-1911-1912-1913-1914-1915-1916-1917-1918-1919-1920-1921-1922-1923-1924-1925-1926-1927-1928-1929-1930-1931-1932-1933-1934-1935-1936-1937-1938-1939-1940-1941-1942-1943-1944-1945-1946-1947-1948-1949-1950-1951-1952-1953-1954-1955-1956-1957-1958-1959-1960-1961-1962-1963-1964-1965-1966-1967-1968-1969-1970-1971-1972-1973-1974-1975-1976-1977-1978-1979-1980-1981-1982-1983-1984-1985-1986-1987-1988-1989-1990-1991-1992-1993-1994-1995-1996-1997-1998-1999-2000-2001-2002-2003-2004-2005-2006-2007-2008-2009-2010-2011-2012-2013-2014-2015-2016-2017-2018-2019-2020-2021-2022-2023-2024-2025-2026-2027-2028-2029-2030-2031-2032-2033-2034-2035-2036-2037-2038-2039-2040-2041-2042-2043-2044-2045-2046-2047-2048-2049-2050-2051-2052-2053-2054-2055-2056-2057-2058-2059-2060-2061-2062-2063-2064-2065-2066-2067-2068-2069-2070-2071-2072-2073-2074-2075-2076-2077-2078-2079-2080-2081-2082-2083-2084-2085-2086-2087-2088-2089-2090-2091-2092-2093-2094-2095-2096-2097-2098-2099-2100-2101-2102-2103-2104-2105-2106-2107-2108-2109-2110-2111-2112-2113-2114-2115-2116-2117-2118-2119-2120-2121-2122-2123-2124-2125-2126-2127-2128-2129-2130-2131-2132-2133-2134-2135-2136-2137-2138-2139-2140-2141-2142-2143-2144-2145-2146-2147-2148-2149-2150-2151-2152-2153-2154-2155-2156-2157-2158-2159-2160-2161-2162-2163-2164-2165-2166-2167-2168-2169-2170-2171-2172-2173-2174-2175-2176-2177-2178-2179-2180-2181-2182-2183-2184-2185-2186-2187-2188-2189-2190-2191-2192-2193-2194-2195-2196-2197-2198-2199-2200-2201-2202-2203-2204-2205-2206-2207-2208-2209-2210-2211-2212-2213-2214-2215-2216-2217-2218-2219-2220-2221-2222-2223-2224-2225-2226-2227-2228-2229-2230-2231-2232-2233-2234-2235-2236-2237-2238-2239-2240-2241-2242-2243-2244-2245-2246-2247-2248-2249-2250-2251-2252-2253-2254-2255-2256-2257-2258-2259-2260-2261-2262-2263-2264-2265-2266-2267-2268-2269-2270-2271-2272-2273-2274-2275-2276-2277-2278-2279-2280-2281-2282-2283-2284-2285-2286-2287-2288-2289-2290-2291-2292-2293-2294-2295-2296-2297-2298-2299-2300-2301-2302-2303-2304-2305-2306-2307-2308-2309-2310-2311-2312-2313-2314-2315-2316-2317-2318-2319-2320-2321-2322-2323-2324-2325-2326-2327-2328-2329-2330-2331-2332-2333-2334-2335-2336-2337-2338-2339-2340-2341-2342-2343-2344-2345-2346-2347-2348-2349-2350-2351-2352-2353-2354-2355-2356-2357-2358-2359-2360-2361-2362-2363-2364-2365-2366-2367-2368-2369-2370-2371-2372-2373-2374-2375-2376-2377-2378-2379-2380-2381-2382-2383-2384-2385-2386-2387-2388-2389-2390-2391-2392-2393-2394-2395-2396-2397-2398-2399-2400-2401-2402-2403-2404-2405-2406-2407-2408-2409-2410-2411-2412-2413-2414-2415-2416-2417-2418-2419-2420-2421-2422-2423-2424-2425-2426-2427-2428-2429-2430-2431-2432-2433-2434-2435-2436-2437-2438-2439-2440-2441-2442-2443-2444-2445-2446-2447-2448-2449-2450-2451-2452-2453-2454-2455-2456-2457-2458-2459-2460-2461-2462-2463-2464-2465-2466-2467-2468-2469-2470-2471-2472-2473-2474-2475-2476-2477-2478-2479-2480-2481-2482-2483-2484-2485-2486-2487-2488-2489-2490-2491-2492-2493-2494-2495-2496-2497-2498-2499-2500-2501-2502-2503-2504-2505-2506-2507-2508-2509-2510-2511-2512-2513-2514-2515-2516-2517-2518-2519-2520-2521-2522-2523-2524-2525-2526-2527-2528-2529-2530-2531-2532-2533-2534-2535-2536-2537-2538-2539-2540-2541-2542-2543-2544-2545-2546-2547-2548-2549-2550-2551-2552-2553-2554-2555-2556-2557-2558-2559-2560-2561-2562-2563-2564-2565-2566-2567-2568-2569-2570-2571-2572-2573-

малого народа.

Новое преступление: грабежи, воровство, злоба, мучительство, дикство считаются необходимыми для нас дарами самим естественным, свободным чужакам.

Да, как же умны были дядя, прощенные, дуплосые, выжидавшие нас, прощенные нас, без оправдания еще раньше.

III.

Причина совершающихся на нас во все материальных событий, а все дело не в устройстве народа, которое изменилось и которое нашими усилиями могли вернуть к прежнему состоянию, так же могли вернуть, как нельзя вернуть отнять опыта робости. Общественное разделение или разделение не может изменить от того, что будет жить как человек. Петров или кто должен быть жить не в Тамбове, а в Воронеж, во всяком. Общественное разделение как следствие может зависеть только от того, как не только Петров или Иван, но все строило большинство людей будет зависеть на свое положение, от того, как большинство это будет относиться к власти, к земной собственности, к преобладающей силе — от того, в чем большинство это будет платить добро и в чем, как. Сила событий зависит не в материальных условиях жизни, а в духовном устройстве народа. Если бы мы убий и тому-то или бы в достояние часть моего русского народа, духовное состояние оставалось не стало бы, какое бы было.

Так что, все, что мы делаем теперь с нашими обещаниями, обязательствами, клятвенными, которыми мыслящими — все это не только не приводит народ к то состоянию, в которое мы хотим привести его, а, напротив, увеличивая разделение и увеличивает нашу несправедливость усложняет.

«Но что же делать», — говорит он, — что делать? Как прекратить те злодейства, которые теперь совершаются?»

Отвечать самый простой: перестать делать то, что вы теперь делаете.

Если бы никто и не знал, что нужно делать для того, чтобы успокоить, «народ», — это народ, — если бы никто и не знал, что нужно теперь для успокоения народа, то все-таки, очевидно, что для успокоения народа уже наиболее не нужно делать того, что только увеличивает его разделение. А мы именно это только и делаем.

IV.

.....

V.

Знакомый миф живописец подумал картину «Смерть князя», и ему нужно было для натуре лицо князя. Она узнала, что в то время в Москве было палаты износились старое-дурное. Художник пришел на дом к сестре. Это было на Садовой. Семейное разделение сидит на чайном столе; князя не было; как потом оказалось, он спрятался, увидев незнакомца. Жена тогда скучала и сказала, что мужа нет

дома, но ребенок-двоем выдала его.

Она сказала: «Вот из чердака» Она еще не знала, что он отец знает, что он делался дурно дядя, и что ему потому надо бояться людей. Художник объяснил князю, что нужно ему и нужно для картины, для того, чтобы снять с него портрет, так как знало его поднести к задуманной картине. (Художник, разумеется, не сказала для какой картины ему нужно было лицо дурного). Разговорившись с князем, художник предложил ей, чтобы зарекомендовать ее, взять к себе на помощь мальчика-сына. Предложение это, очевидно, подкупало князя. Она вышла и через несколько времени вошла и таинственно подобая князю, милой, безыскусной и испуганной; он долго выжидал художника, зачем и почему ему нужно именно она. Когда художник сказал ему, что он портрет его на улице и лицо его показало ему подходить к картине, дурное спрашивал, где он его найдет, на какой час, и, очевидно, боясь и подкупая худое, отказался от него.

Да, этот непосредственный талант знает, что она вышла и, что то, что он делался, дурно и что он не знает, за то, что он делался, и он боится людей. И я думаю, что он сам знает и сразу перед людьми изобретать то, что часть его знает.

VI.

Знаю я, что нет людей — люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что попал одному человеку судить другого. Я долго борюсь с этой слабостью, которое побуждали и побуждают во мне. Но я не могу и не хочу больше бороться с этой слабостью.

А не могу и не хочу, во-первых, потому, что людям никак необходимо обличение. Во-вторых, не могу и не хочу больше бороться потому, что (откровенно признаюсь в этом) надеюсь, что мое обличение этих людей является желательное миф изображение меня этих как немые путем из того круга людей, среди которого я живу и в котором я не могу не участвовать себя участвуя.

Видя, все, что делается теперь в России, делается во имя общего блага, во имя обличения и сплочения массы людей, живущих в России. А если это так, то все это делается и для меня, живущего в России.

Но как же страшно утверждение о том, что все это делается для меня и что я участвую этих страшных дел, а, все-таки, не могу не участвовать, что есть неосознанная зависимость между мной просторной политикой, которая обидит, мной одареной, мной достигнутой и теми страшными преступлениями, которые совершаются для утешения этих, что не надо бы отнять у меня то, что я не могу.

А осознавая это, я не могу больше пережить этого, не могу и должен освобо-

ДАНЬСЯ ОДЪ ОГОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ПОДЪЯВЛЕНІЯ.

Нельзя такъ жить. Я, по крайней мѣрѣ, не могу такъ жить, не могу и не буду.

Затем же я и пишу что и буду всеми силами распространять то, что пишу, и по России и за ее, чтобы еще больше: как начинался эти революционные дела, или уничтожались бы мои силы с этими делами, чтобы мои послания несли бы терям, где бы я всего ознакомила, что не для меня уже делалось под эти условия, или же, что было бы лучше всего (уже терям, что я и не сильно мешало о таком случае), надлежало бы меня так же, как на так называемые или делалось бы крестьяне, семья, человек и так же сполна к ст. семье, чтобы я своей помощью помогать бы по своим старым горьким воспоминаниям.

VII

И вот для того, чтобы достигнуть одной из этих целей, друзей, обращаясь ко всем участникам этих страшных дел, обращаясь ко всем, включая с надиктованным на людей-братей, на жандармов, на детей полиции и полис, на толпешных смотрителей и до всех, главным образом распространителей и развешивателей этих страшных преступлений.

Люди-братья! опомнимся, задумаемся, поймем, что мы делаем. Вспомните, кто мы.

Видя вы, прежде всего, вы—люди. Помните заглавную на сайте Библии, заправочку не будешь! Видя вы можете не знать, что у нас так же, как у каждого из нас, есть только одно настоящее дело, величайшее из всех, которое остается делом, — то, чтобы прожить этот короткий промежуток данного века, времени из тысячи с той силой, которая послала нас на этот мир, и не сомнамбуля с собой или в беде. Ведь не эта почва только человек: любовь людей и животных.

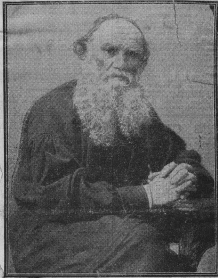
— Вы же, что вы думаете? На что владеете своим душевным светом? Кого любите? Никого. Кто вас любит? Ваша жена? Ваша ребенка? Но ведь это не любовь. Любовь — любовь, детей, это не человеческая любовь. Такая и святая любовь — святошам. Человеческая любовь — это любовь человека к человеку, то есть к человеку, как к сыну Божию, а потому божью.

— Кто же им такъ любима? Никого. А кто такъ любитъ? Никто.

Да, подумайте всё мы, подумайте о том, кто мы, и переставайте думать то, что думаете. Перестаньте — не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для тех Бога, который, как мы ни заслуживаете Его, живёт в вас.

21-го мая, 1908 г.
Земля Полная.

.....

COUNT TOLSTOY.

RULE BY MURDER.

**TOLSTOY'S TREMENDOUS INDICTMENT
OF TSAR'S GOVERNMENT.**

"I WILL NOT LIVE SO."

**GREAT RUSSIAN'S APPEAL TO THE
NATION.**

We print below, from the pen of Count Tolstoy, the most overwhelming indictment of the present system of "government by executions" in Russia that has ever been uttered.

What that indictment may mean to Tolstoy himself (who will be 80 in August) can be guessed from the passionate outburst in which he exclaims: "I can no longer endure it! I write this . . . either that these inhuman deeds may be stopped, or that my connection with them may be snapped, and I put in prison, where I may be clearly conscious that these horrors are not committed on my behalf; or still better (so good that I dare not even dream of such happiness) that they may put on me, as on those twenty or twelve peasants, a shroud and a cap, and may push me also off a bench, so that by my own weight I may lighten the well-sodden seats round my old throat."

In conclusion, the greatest of living Russians makes a noble appeal to the better nature of his countrymen.

By LEO TOLSTOY: Translated
by L. and A. Maude.

1

"Seven daily sentences: two in Petersburg, one in Moscow, two in Minsk, and two in Riga. Four executions: two in Kherson, one in Vilna, one in Odessa."

This daily repetition in every newspaper and continued, not for weeks, not months, not for one year, but for years! And this in Russia, that most Russian where the people regard every criminal as a man to be pitied, and whose till quite recently capital punishment was not recognized by law! I remember how proud I used to be of that, when talking to Western Europeans; but now for a second and even a third year, we have executions, executions, executions, incessantly!

I take up to-day's paper.

Today, the 23d May, the paper contains these few words: "To-day in Kherson on the Skrybniky Field, twenty prisoners were hung for an attack made with intent to rob, on a landed proprietor's estate in the Khassetski district."

Twelve of these by whose labour we live, the very men whom we have deprived and are still depriving by every means in our power—from the poison of vodka to the terrible falsehood of a crowd we do not ourselves believe in, but impose on them with all our might—twelve of these men, strangled with cords by those whom they feed and clothe and house, and who have deprived and still continue to deprive them. Twelve husbands, fathers, sons, from among those on whose hands, industry, and simplicity alone rests the whole of Russian life, were seized, imprisoned and strangled. Their heads were fixed behind their backs, lest they should seize the ropes by which they would be hung, and they were led to the gallows. Several prisoners similar to those who are about to be hung, but armed, dressed in clean soldiers' uniforms, with good boots on their feet, and with guns in their hands, accompany the condemned men. Beside them walks a long-haired man, wearing a stole and vestments of gold or silver cloth, and bearing a cross. The procession stops. The Manager of the whole business says something; the secretary reads a paper; and when the paper has been read, the long-haired man, addressing those whom other people are about to strangle with cords, says something about God and Christ. Immediately after those words, the hangmen there are several, for one man could not manage so complicated a business: disengage some rope, and having escaped the loops in the cords that they may tighten better, seize the shackled men, put shrouds on them, lead them to a scaffold, and place the well-wrapped nooses round their necks.

And then, one after another, living men are pushed off the benches which are drawn from under their feet, and by their own weight suddenly tighten the nooses round their necks, and are painfully strangled. Then, about a minute before, because ropes dangling from a rope; at first slowly swinging, and then swinging motionless.

* The papers have since contradicted the statement that twenty prisoners were hung. I can only be glad of the mistake, glad not only that eight men less have been strangled than was stated at first, but glad also that the awful figure moved me to express in these pages a feeling that has long tormented me. Therefore, merely substituting the word twelve for the word twenty, I leave all the rest unchanged, since what I said refers not only to the twelve who were hung, but to all the thousands who have lately been crushed and killed.

All this is carefully arranged and planned by learned and enlightened people of the upper class. They arrange to do these things secretly, at daylight, so that no one should see them done, and they arrange that the responsibility for these inquiries shall be so subdivided among those who consult them that each may think and say, it is not he who is responsible for these. They arrange to seek out the most depraved and subversive of men, and while obtaining them to do this business, planned and approved by us, still leave an appearance of alibi to those who do it. Even such a subtle device is planned as this: sentences are pronounced by a military tribunal, yet it is not the military but civilians who have to be present at the execution. And the business is performed by ambuscade, disguised, nervous, and despised men, who have nothing left them but to creep the cold wall, that they may grip the necks without fail, then to get well drunk on poison and then by those same enlightened men, who have to be seen more quickly and fully to forget their souls and their quality as men. A doctor makes his rounds of the bodies, tests them, and reports to those in authority that the business has been done properly; all twelve are certainly dead. And those who are actually spared to their ordinary occupations, with the consciousness of a necessary though painful task performed. The bodies, now grown cold, are taken down and buried.

The thing is awful!

And this is not done once, and not to three twelve ambuscade, winged men from among the best class of the Russian people only, but it is done incessantly for years, to hundreds and thousands of similar misdeeds, repeated by the very people who do these awful things to them.

And not this kind of dreadful thing alone is being done, but on the same plan and with the same cold-blooded cruelty, all sorts of other tortures and violence are being perpetrated in prisons, fortresses, and convict settlements.

This is awful, but most awful of all is the fact that this is not done impulsively under the sway of feelings alone; reason, as happens in fights, in war, or even in burglary, but on the contrary it is done at the demand of reason and calculation, affecting feeling. That is what makes these deeds so particularly dreadful. Bewful, because these are committed by men who, from the judge to the hangman, do not wish to do these—know more vividly than anything else how pernicious to human souls is depravity: the power of men over men.

It is revolting that one man can take from another his labour, his money, his soul, his hope, nay, even his son or his daughter—but how much more revolting it is when one man can take another's soul, by forcing him to do

evil on the whole people by spreading depravity—as five squads and dry straw—among every class of Russians. This depravity grows with special rapidity among the simple working folk, because all these inquiries—according to them do a hundredfold all that is or has been done by thieves, robbers, and by all the revolutionaries put together—are done as though they were something necessary, good, and unavoidable; and also not merely excused, but supported by different institutions (unusually connected in the people's minds with justice, and even with authority—namely, the Senate, the Grand, the Duma, the Church, and the Tsar).

And this depravity spreads with remarkable rapidity.

A short time ago there were not two executions to be heard of in all Russia. In the 'eighties there was only one. I remember how terribly Vladimir Solovyev told me at that time that no second execution could be heard of in all Russia, and so the one was taken from place to place. Not so now!

A small shopkeeper in Moscow, whose affairs were in a bad way, having offered his services to perform the work arranged by Government, and receiving 180 roubles (180) for each person being sent, needed his affairs so well that he no longer required this additional business, and is now carrying on his former trade.

In Orel last month, as everywhere else, an executioner was wanted, and at once a man was found who agreed with the organizers of Governmental murders to do the business for fifty roubles per head. But the volunteer hangman, after making this agreement, heard that more was said in other towns, and at the time of the execution, having put on the blood-stained coat, instead of leading him to the scaffold, according to the plan, he turned round, and said: "You must add another twenty-five roubles, most Excellent, or I won't do it!" He got the increase and he did the job.

The next time five more to be hanged. The day before the execution a stranger came to see the organizers of Governmental murders as a private matter. The organizer went out to him and the stranger said:

"Tough day so-and-so charged you seventy-five roubles per man. Today I hear five are to be done. Let me have the whole job, and I'll do it at fifteen roubles a head, and you may be sure it shall be done properly."

I do not know whether the offer was accepted or not, but I know it was made.

That is how the crimes committed by the Government act on the work, the least moral, of the people, and these terrible deeds must also have an influence on the majority of men of average morality. Continually hearing and reading about the most heinous, infamous brutality committed by the authorities—that is, by persons whom the people are accustomed to honour as the best of men—the majority of average people, especially the young, reacquainted with their own affairs, instead of feeling that those who do such heinous deeds are unworthy of honour, involuntarily come to the opposite conclusion, and argue that it is generally known that things that seem to be horrible, probably those things are not as horrible as we suppose.

Of executions, hangings, wardens and heads people now write and speak as they used to speak about the weather. Children play at hangings. Lads from the high schools, who are almost children, go out on expropriating expeditions, ready to kill just as they used to go out hunting. To kill off the large land proprietors in order to seize their estates appears now to many people to be the very best solution of the land question.

In general, thanks to the activity of the Government, which has allowed killing as a means of obtaining its ends, all crimes,

(No Signet Reserved.)

(Continued on page 34)

what destroys his spiritual eye, and deprives him of spiritual welfare. And that is the very thing that is done by those men who are arranging all this, and who calmly, for the welfare of men—by bribes, threats and deception—force men, from the judge to the hangman, to commit deeds that certainly deprive them of their true welfare.

And while this goes on for years all over Russia, the chief culprits of these acts—those by whose order these things are done, those who could put a stop to them—fully convinced that such deeds are useful and even absolutely necessary, either devise methods and make up speeches how to prevent the Russ from living as they want to live, and how to compel them to live as certain Russian personages wish them to live; or else pitifully confess in the effect that: "In Russia everything is the rule and custom of the latter, while the wishes of those entitled to wear them are not to have heard, round the walls over the hat."

DEPRAVING THE PEOPLE.

What is most dreadful in the whole matter is that all this barbaric violence and bribery, besides the direct evil done to the victims and their families, brings a yet more enormous

TOLSTOY AND THE TSAR.

(Continued from page 1.)

robbery, theft, lies, tortures and murder are now considered by miserable people who have been perverted by the Government to be most natural deeds, proper to a man.

Yes! And as are the deeds themselves, the moral, spiritual anarchy which they produce is incomparably more terrible.

III.

CRIMES FOR "PEACE."

You say you demand all these horrors to restore peace and order.

You restore peace and order! By what means do you restore them? By the fact that you, representatives of a Christian authority, leaders and teachers approved and encouraged by the sovereign of the Church, destroy the last vestige of truth and morality in man, by committing the greatest crimes: lies, perjury, violence of all sorts, and the last, most awful of crimes, the one most abhorrent to every human heart not utterly depraved—not just a murder, a single murder, but murders innumerable, when you think to justify by stupid references to such and such statutes written by yourselves, in those statutes and lying books of yours which you blasphemously call the laws.

You say that this is the only means of pacifying the people and quelling the revolution; but that is evidently false! It is plain that you cannot pacify the people unless you satisfy the demand of most elementary justice advanced by Russia's whole agricultural population, namely, the demand for the abolition of private property in land, and release from confirming it and in various ways irritating the peasants, as well as those unbalanced and uneducated people who have begun a violent struggle with you. You cannot pacify people by torturing them and worrying, enflaming, imprisoning, and hanging women and children! However hard you may try to stifle in yourselves the reason and love natural to human beings, you will have them within you, and need only come to your senses and think, in order to see that by acting as you do—that is, by taking part in such terrible crimes—you are only fail to cure the disease, but by driving it onwards make it worse.

This is only too evident.
The cause of what is happening does not lie in physical evils, but depends entirely on the spiritual mood of the people, which has changed, and which no efforts can bring back to its former condition, just as no efforts can turn a grown-up man into a child again. Social irritation or inequality cannot depend on whether Peter is alive or long, or on whether John lives in Tarsus or in great servitude at Nerchinsk. Social irritation or inequality must depend not on how Peter or John alone, but how the great majority of the nation regard these persons, and on the attitude of the majority to the Government, to landed property, to the religion taught them, and on what this majority considers to be good or bad. The power of courts by no means lies in the material conditions of life, but in the spiritual condition of the people. Though you were even to kill and torture a whole tenth of the Russian nation, the spiritual condition of the rest would not become such as you desire.

So that all you are ever doing, with all your enflamings, spyings, evilings, prisons, penal settlements and galleys, does not bring the people to the state you desire, but on the contrary, increases the irritation and destroys all possibility of pacification.

"But what is to be done?" you say. "What is to be done? How are the inequalities that are now perpetuated to be stopped?"

The answer is very simple: "Come to do what you are doing."

Even if we now know what ought to be done to pacify "the people"—the whole people (many people know very well that what is now wanted for the pacifying of the Russian people is the freeing of the land from private ownership, just as fifty years ago what was wanted was to free the peasants from serfdom)—if so one knew this, it would still be evident that to pacify the people one ought not to do what but increases the irritation. Yet that is just what you are doing.

What you are doing, you do not for the people, but for yourselves, to retain the position you occupy, a position you extremely consider advantageous, but which is really a most painful and abominable one. So do not say that you do it for the people; that is not true! All the alienations you do are done for yourselves, for your own interests, ambition, vain, vindictive, personal ends, in order to continue a little longer in the depravity in which you live, and which seems to you desirable.

However much you may declare that all you do is done for the good of the people, now are beginning more and more to understand you, and more and more to despise you, and to regard your promises of pacification and improvement as mere words, their only real expression, the action of some kind of higher collective Being, the Government—but as the personal evil deeds of separate evil self-seekers.

THE REVOLUTIONARIES.

Answer, you say, "Not so, but my revolutionaries, forget all this; and the terrible crimes of the revolutionaries can only be explained by the fact that for you only, your crime on the part of the revolutionaries."

You say the atrocities committed by the revolutionaries are terrible.

I do not dispute it, but add that besides being terrible, they are also stupid, and—this your own actions, besides the mark. Yet, however terrible and stupid, can be their actions; all those terrible and senseless, and those resulting murders and thefts of money—all all these things do not come anywhere near the criminality and stupidity of the deeds you commit.

There are doing just the same as you, and for the same reasons. Then you are in the same I should say "criminal," were its consequences not so awful. Therefore, that men having formed for themselves a view of what is their opinion in the desirable and proper arrangement of society, have the right and possibility of attacking other people's views according to that plan. The question is the man. These methods are, violence of all kinds—including taking life. And the crime is, that an evil man committed for the benefit of many people, to be innocent of that, therefore, without offending against the moral law, one may do, rob and kill whenever this leads to the realization of that proposed good condition for the mass, which you say, but does not, and can be done, and which we wish to establish.

You, Government-men, call the acts of the revolutionaries "atrocities" and "great crimes"; but they have done and are doing nothing that you, who are wise and do so in an unbecomingly greater extent. They only do what you do; you have more, desire, and spread printed lies, and so do they. You take people's property in all sorts of ways, and use it in your private best, and they do the same. You accuse those whom you think dangerous, and so do they.

So that while employing the same means means to they do, the attainment of your aim, you certainly cannot blame the revolutionaries. All you can adduce for your own justification, they can equally adduce for theirs; not to mention that you do much evil that they do not, and in an equal or greater degree, and they do the same. You accuse those whom you think dangerous, and so do they.

You say you have the traditions of the past to guide, and the actions of the great men of the past as examples. They, too, have their traditions, also arising from the past, even before the French Revolution; and as to great men, models of men, martyrs that presided for truth and freedom—they have no fewer of those than you.

So that if there is any difference between you it is only that you wish everything to remain as it has been and is, while they wish for a change. And in wishing that everything cannot always remain as it used to be, they would be more right than you, had they not adopted from you that notion, destructive notion that the work of men can have a limit of life suitable for all men in the future, and that this form can be established by force. For the rest, they only do what you do, using the same means, and the same ends, and the same results; they have, as the saying is, picked up all your little devices; they are not only your disciples, they are your pupils, your children. If you did not exist, neither would they; so that when you try to suppress them by force, you behave like a man who professes to be a whole, might against a dove that opens its wings to him.

If there is any difference between you and them, it is certainly not in your, but in their, favor. The outrageous circumstances on their side are, firstly, that their crimes are committed under conditions of greater personal danger than you are; secondly, that their crimes are committed under conditions of greater personal danger than you are; and thirdly, that their crimes are committed under conditions of greater personal danger than you are. Secondly, that the immense majority of them are quite young people, to whom it is natural to go astray, while you are for the most part middle-aged men, and even to whom reasonable oppression and bribery towards the debased should be normal. Thirdly, a mitigating circumstance in their favor is that however odious their crimes may be, they are still, very cordily, sympathetically even as your Schötenbergs, Morspergers, Gallows, and shootings. The fourth mitigating circumstance for the revolutionaries is, that they all have a right to be regarded as religious teachers, and consider that the one justifies the means, and therefore they are quite consistently when they kill one or more men for the sake of the general welfare of the mass; whereas you Government men—less the lowest hangers to the highest of those who command them—your all support religion and Christianity, which is altogether incompatible with the deeds you commit.

And if a poor elderly man, leader of others, professing Christianity, it is a man who, like children who were born fighting. "We didn't begin, they did." And that is the best you can say. You talk in your sleep, since the role of rulers of the people. And what use of men are you? Men who acknowledge as that One who made definitely established, not only judgments, but even the condemnation of one's brother; that who in deepest terms renounced all punishment

and affirmed the necessity of continual forgiveness, however often a crime may be committed. One who commanded us to turn the other cheek to the smiter, and not to return evil for evil; One who, in the story of the woman accused to be stoned, showed us simply and clearly the importance of judgment and mercy between man and man. And you, acknowledging that teacher to be dead, can find nothing better to say in your defense than, "They began, they kill; so let us kill them!"

V.

HANGMAN'S CONSCIENCE.

As a result of my acquaintance thought of painting a picture, "The Executioner," and he wanted a model for the executioner. He heard that the day of execution in Moscow was at that time performed by a woman. The artist went to the watchman's house. It was Easter-time. The family were sitting in their best clothes at the table, but the master of the house was not there. It turned out, however, that on Saturday night of the stranger he had hidden himself. His wife also seemed ashamed, and said that her husband was not at home; but his little girl brought him by saying, "Daddy is in the garden." She did not know that her father was aware that he was doing evil, and could not help, therefore, being afraid of anybody. The artist explained to the wife that he wanted her husband as a model to paint, and asked his face under the picture he had planned for some, the artist did not say what the picture was for which he wanted the watchman's face. Having got into conversation with the wife, the artist, to sympathize her, offered to take her little son as a nurse. The wife readily accepted the woman. She was out, and after a time the husband entered, looking ashamed, nervous, restless, and frightened. He long tried to get the artist to say why and for what he required just him. When the artist told him he had met him in the street, and his face seemed agreeable to the greatest pleasure, the watchman asked, "Where had he met him?" At that time, in what clothes? And, evidently fearing and supposing something evil, would not come to terms.

This executioner-at-first-hand knew that he is an executioner, and that he does wrong and is therefore hated, and he is afraid of every one. I think this consciousness and this low before men arose for at least a part of his guilt. But you say, all from the Secretary of the Court to the President and the Emperor—direct participants in the inquiries perpetrated every day—do not seem to feel your guilt, nor the same your participation in these crimes should make. It is true, and the executioner, you fear men, and fear the more the greater your responsibility for the crimes; the Public Prosecutor more than the Secretary, the President of the Court more than the Public Prosecutor, the General Director more than the President, the President of the Council of Ministers more still, and the Tsar most of all. You are all afraid; but unlike the executioner you are afraid, not because you know you are doing evil, but because you think other people do evil.

Therefore I think that low as that unfortunate watchman has fallen, he stands morally immeasurably higher than most participants and partisans of these awful crimes; you who condemn others instead of yourselves, and carry your hands so high.

VI.

"I CANNOT ENDURE IT"

I know that men are not human, that we all are weak, that we all err, and that we cannot judge another. I have long struggled against the feeling that was said and is around us in these, responsible for these awful crimes, and accused to more the higher they stand on the social ladder. But I neither can nor will struggle against such feeling any longer.

I cannot and will not; first, because it is exposure of those people who do not see the full criminality of their actions is necessary for them as well as for the multitude that, influenced by the external honour and laudation accorded to these persons, approve their lawless deeds and even try to imitate them. Secondly, I cannot and will not struggle any longer, because if frankly confessing as I hope any exposure of those men will, one way or other, make the executioner I desire those set in motion I am now living, and in which I cannot but feel myself to be a participant in the crimes committed around me.

Everything now being done in Russia is done in the name of the general welfare, in the name of the protection and tranquility of the inhabitants of Russia. And if this be so, then it is also all done for me, who live in Russia. For me, therefore, since the destruction of the people, deprived of the freest natural right of man—the right to use the land on which he is born, for me the bailiffs now turn away from widows peasant life, and dream of nothing, except to laugh to kill; for me that false-souled priesthood, whose chief duty it is to prevent and conceal from Christians the fact of these misdeeds, for me from peace to place the thousands of thousands of hungry workmen wandering about Russia; for me those hundreds of thousands of unfortunate dying of

trifles and scurrilous in the language and prices which do not suffice for such a realization for me the mothers, wives and fathers of the sailors, the prisoners, and those who are hanged are suffering; for me are those men and this herbary; for me the interest of those clerics and household of men who have less duty; for me the horrible work goes on, of those hangmen, at first calmed with difficulty, but now no longer so looking their work; for me most those galleys, with well-scoped cords from which hang women, children and peasants; for me ends the terrible enhancement of man against his fellow-men.

Strange as is the statement that all this is done for me, and that I am a participant in those terrible deeds, I cannot but feel that there is an indelible interdependence between my misdeeds, my sins, my doubts, my clothing, my house, and those terrible crimes committed in get rid of those who would like to take from me what I am. And though I know that these lawless, uneducated, depraved people—who but for the Government's threats would deprive me of all I am enjoying—are products of this same Government's actions, still I cannot help feeling that at present my peace really is dependent on all the horrors that are now being perpetrated by the Government.

And being conscious of this, I can no longer endure it, but must free myself from this intolerable position!

It is impossible to live so! I, at any rate, cannot and will not live so.

That is why I write this, and will circulate it by all means in my power, both in Russia and abroad; that one of two things may happen: either that these infamous deeds may be stopped, or that my conviction with them may be stopped, and I put in prison where I may be clearly conscious that those horrors are not committed on my behalf; or, still better so good that I dare not even dream of such happiness, they may put me on, as an those twenty or twelve peasants, a shroud and a cap, and may push me also off a bench, so that in my own weight I may tighten the well-scoped noose round my old throat.

VI.

ONE REAL DUTY.

To attain one of these two aims, I address myself to all the participants in those terrible deeds, beginning with those who put on their brother men and women and children those caps and coats—those the prison warders sit to you, great organizers and authors of these terrible crimes.

Brothers! I speak to your reason, stop and think, consider what you are doing! Remember who you are!

Before being hangmen, generals, public prosecutors, judges, Poles or Tsars—are you not men? Godly showed a people into this world, no-morrow destined to be. (You have men of all grades in particular, who have eroded and are eroding special hatred, should consider this.) Is it possible that you, who have had this short glimpse of God's world the even if you be not murdered, dead, is always close behind us all—is it possible that in your last moments you do not see that your mission in life cannot be to torment and kill men, yourselves tormenting with fear of being killed, lying to yourselves, to others, and to God; assuring yourselves and others that by participating in these things you are doing an important and great work for the welfare of millions? Is it possible that, when not intimidated by your surroundings, by duty and by the customary suggestions—you do not each one of you know that this is all mere talk, only movement that while doing none and doing you may still consider yourself a good man? You cannot but know that you, like each of us, have but one real duty, which includes all others: the duty of living the short space granted us, in accord with the Will that sent you into this world, and of leaving it in accord with that Will. And that Will demands only one thing: love from man to man.

But what are you doing? To what are you devoting your greatest strength? Whom do you love? Who loves you? Your wife? Your child? But that is not love. The love of wife and children is not human love. Animals love in that way, even more strongly. Human love is the love of man for man—for every man as a son of God and therefore a brother. Whom do you love in that way? No one. Who loves you in that way? No one.

You are feared by the hangmen or a wild animal is feared. People dislike you, because at least they despise and hate you—and how they do hate you! And you know it, and are afraid of men.

Yes, remember it, all of you from the highest to the lowest accomplices in murder: consider who you are, and cease to do what you are doing. Cease, not for your own sake, not for the sake of your own personality, not for the sake of men, not that you may cease to be blamed, but for your soul's sake, and for the God who loves within you!

In our article concerning Mr. William Hryn, the King's coachman, who is last writing from the Royal service, it should have been stated that Mr. Hryn was once-boy to the late Earl of Derby, not coachman. The position of Royal coachman will be continued.

На учительских курсах.

3 імя проф. А. К. Верещин, закінчивши лекцію в Л. Н. Толстому, поспішив, между прочим, до останньої сторінки Толстого по ходу сюжету роману: «Не могу молчать». Притом доктори отримали від цієї статті враження на слушателей сильное імпакційне.

Page 42nd June 1908

Галитовский полков. Траект. название дано в честь великого русского А. Н. Толстого.

E. B. H² 1904 1248

Составляя обильный из соломы, в среднем покрывая итальянские стены обилием соломы, мы и акадскому Аппалу, а также славяно-белому Лео Толстому и много, потребляем много энергии, много.

Пару часоў менавіта лейб-выпускнікам
зубаводзіць з сям'ёй у горад «Слава».

E. A. #17444 1398

Письма въ редакцію.

...Она пришла... Математика убавлять. «Синтез» конфискован. Вероятность с Марьямкой вышла из бредурифта. Пили на море поднимается. Ольга Десмонд, объяснила. Друзья объясняют. Тойстой объяснил почитать...—я сейчас сюда, я сейчас спав!

E. S. - 4th period 1308

1

Богдэ прасматрылася ў запамінаў, ведаючы, што гэты многаакалізаваны Рэсін арыстакратычнага тэатра чужыны—Аляксандр Тэадоў, Максім Гэрамаў (Massimo Gorky) і Салма Шаўтэна (Schallertine).

Итак открытка, с которой никогда при-
соединялись Собинина, и т. п. им найдется
последи. В Берлинских музеях, наконец-
конец, вы увидите пославную фигуру Паралого
во весь рост рядом с двумя другими зна-
менитостями земли русской — le pere На-
ро и генералом Степаном.

E. B. Jipson NPH

III

Поэтому, зная все внутренне,

Интересно, что Горький, писатели, поэты, композиторы удивительны тем и тогда ставили перед собой иные, большие задачи, больше гражданские, сегодняшние задачи,—показывать людям эту новую огромную, из этого века грядущую для русской души, для Толстых, Достоевских, Тургеневых, собою Розановых, Мережковских,—непосредственную.

Ex. 57/Amc 1208

КИЕВ, 5-го июля. Городская дума постановила учредить на память юбилея Талстого, два городских училища, бесплатную городскую читальню и две стипендии на гимназию имени Талстого.

И. Б. Г.-н. 1908

Статья А. Н. Толстого.

Сегодня мы хотим познакомить наших читателей со статьей А. Н. Толстого «Во имя выжить», напечатанной только один «Русский Вестник».

Revised 5th Dec. 1992

Смертная казнь и „Колоколь“.

Телеграммы из-за границы сообщают, что развешивание плаката из английского "Daily Chronicle" статьи Д. Н. Толстого о смерти князя произошла так: порисованные аналитически и была порисована газетами всего мира. Оно и понятно. Много уже написано против смерти князя и, кажется, сказать, прибавить к этому больше ничего. Но даже и в том количестве историческими сокращениями, в каком количестве произведений Д. Н. Толстого появились у нас, со всеми артефактами художественными образами, приложившей разности студентов безжалостно быть на переплетении перламутра и кладезь законности, что в этом является, вполне милое.

Как же отнеслись к этому произведению та наша пресса, которая, по ее словам, стоит на страже государственности? Нужно отдать справедливость — она сделала шаг вперед, что можно считать. Она не замечала статьи Толстого, она замечала ее. На „Россию“ на „Новое Время“, ни одно оккупационное органы ни одним словом не упоминали о том, что вызвало такую сенсацию во всей Европе. Опубликовать эту статью, чтобы с ней ознакомиться — неудобно, из виду только что отменявшегося издания, на котором эти органы, хоть и „молчат“, после себя вынуждены принять участие, и в виду предстоящего обоема Толстого. Напечатать у себя эту статью как даже отменить ее — тоже нельзя, пускать того как и оккупировавшие с такой важной функцией — это совершенно неведение вполне похвального судьи. Ничего не оставалось, поэтому, как и авторизовать печатание статьи Л. Н. Толстого и при этом раскритиковать, что есть слова несправедливые, — почитать и отпустить, а все останется неизменным.

Но судя по единственному органу, который не согласился на такую политику замалчивания, — это духовный «Коллегиум». Органу, отражающему взгляды синода под руководством епископа Миталаса Архангела, не пришлось вразить из молчанку и он смело поднимает брошенную великим писателем тему.

[illegible]

Не дало на нь згоди. Для „Козака“ протест Толстого против смертной казни — диспут, желание выставить себя, — дилемматизм, безплодность протеста.

Духовный орелъ сразу замѣчаетъ, что каждаго долина преступленій, пока не найдутъ способа одѣлать вѣчно убійцъ, воровъ, бродячихъ. Не мало слѣзъ потопилъ нашъ старый орелъ потратилъ уже на то, чтобы доказать, что со стороны христіанскаго зловѣшества нѣтъ претивленій для того, чтобы вѣшать и казнить. Теперь онъ одинъ рѣшился отвѣтить Толстому и горячо выступилъ въ защиту смертной казни. Если гласно "Домовикъ" предвѣщать такъ же громко, какъ гласно Л. Н. Толстого, то, спрашивается, кто смѣлится отъ этого, и, вѣрже возмъ, выгонять изъ то діло, на защиту котораго является духовная гласность?

Смелтинъ

Price \$2/mo. 1308

„Это он!“, (Рис. на стр. 422).

Это человек «он!» — обр. покой. Лето двенадцать предъ нами
вспомнил, востановил помыслъ живописному миру фигура великого
писателя земли русской, Л. Н. Толстого. Авторъ «Войны и мира»
работаетъ на нивѣ, весь уйдя въ этотъ любимый свой трудъ, вдаль
отъ суеты мірской; однако жъ здѣсь находится его многочисленное
поклонникъ. Живописная картина П. А. Вязникова изображаетъ
одну изъ такихъ живописныхъ «пріемныхъ» въ Ясной Полянѣ:
двое гостей по пути въ Ясную Поляну встрѣчаютъ Л. Н. Толстого
на борозенномъ. «Это он!», — говорятъ ему и почтительно приба-
вляютъ почтительнаго посетителя. Откуда пришла одна Бити-милета,
изъ сестры города, но, Бити-милета, вѣтъ Австрали. Про-
водившая вѣдъ изъ Ясной Поляны старая интересуетъ весь живо-
писный миръ, вѣтъ Ясную Поляну встрѣчаютъ, бывшая, сѣдѣтъ
конная земля: одинъ для того, чтобы получить здѣсь различіе
мучительныхъ философскихъ и религиозныхъ вопросовъ, другіе же,
просто, въ ожиданіи въ Л. Н. Толстой — чтобы лично поговорить и
встрѣтиться съ нимъ.

«Это он!», Картина П. А. Вязникова.
(Востановилъ Товарищество Художниковъ 1908 г. въ С.-Петербургѣ).

Рис. П. Вязникова 1908

Во вчерашних полученных вчера из-задержанных газетных новостях статьи Л. Н. Толстого „Не могу молчать“. Большинство писателей высказываются об этом простоте великого писателя с большими сочувствиями.

Рига 6го июля 1908

Городские думы поставили на заметку обилию Л. Н. Толстого открыть в Кюст для привлечения учащихся, бесплатную читальню и устроить для студентов при гимназии школы Л. Н. Толстого.

Рига 6го июля 1908

*** На статью Л. Н. Толстого о смертной казни опубликован в московской газете „Русская Земля“, издаваемой А. С. Суворовым. Во статье есть замечание: „Получивший отдаленно газету пишет“:

„Толстой представляет облик: скромный, чистый гр. Л. Н. Толстого, сдержанности, а не будить народ против своего правительства. Тем, не менее, он, молчит, успокоиться, — правительство, возмущаемое им, кажется, то чудовищем, из чего сейчас не отбросит, а вот дашную рубашку, двести тысяч, пора бы из нему прибавить: выкинуть из ума, отбросить, много приносить ему“.

Интересно ли читать: «Много Времени, что продолжаете под его формой? Или, быть может, старость мешает ему слышать на языки?»

Рига 6го июля 1908

Саратовский правоканальный совет рекомендует через губернатора о воспрещении в Саратов канала бы то не было поросли из чести Толстого, «так как канавы Толстого — антиправославные».

Рига 6го июля 1908

Знаю, конечно, что не дано из жизни, но зато дано из жизни, которое не дано, — это искусство, а не искусство, нет, — Л. Н.

Воспоминания 6го июля 1908

Иногда продолжалась беседа с известными стариками, друзьями Григорьевым, современниками Тургенева, Гаврилова, Остроумова и Достоевского... «А, кстати, — вспоминала я, — П. Н. — вы знаете, что я писала во время Толстого: вот портрет, который он мне прислал, по своему его писанию и не писал. Это — как-то могу сказать —

единственный русский писатель, с которого почти за 60 лет литературной деятельности не было ни одного письма, ни одного письма, единственного и — величайший».

Вот не предвидялось быстрой кончины Петра Ивановича. Я получила с ним, узнала на время из провинции, предвещая, что он, согласно своему писанию, пережил на лето из Финляндии. Известие о его смерти было совершенно неожиданным, и в тот же день, как он писали в газетках, мы вспоминали одно прекрасное его стихотворение: «Не убои», написанное год или два назад *): оно имеет отвлеченно настроенно писан, моментально из уст смерти П. Н. в то время, писала «Не могу молчать» (о смерти писателя) того величайшего писателя, с которого он не был лично знаком, хотя и был почти его современником.

Да, «Не убои!» — это было стихотворение, написанное писателем и П. Н. Вайсбергом, торжественно из сокращения писателя по преимуществу или человечности, брутально кардинально, торжественно стилистически, представлять тонкими словами, беру из добро и конечно побужду его под миром. Он стоял из сторон от политики, из тонкости смысла слова, писал разберется между программой политическими каприз, но поступал согласно своему опыту как его любил писатель, Фрейлихсберга: «Der Dichter steht auf einer höheren Warte, als auf der Ebene der Partei». И из избранных им величайших деятельности он достаточно возмущен, чтобы доказать, что его «человечность» все же была неумолимо вынуждена его из той сути, на которой стоял лучше друга свобод, принци и человечности.

6. Батюшков.

Рига 6го июля 1908

95

Трудно передать восторг, какой вызвала
для нашего духовного «экзотизма».

Восторг переживал даже граница-сара-
платности: один из следующих обо-
ротом довел до того, что сравнил В. А.
Максимова с А. Н. Толстым...

Серия рбтнй закончилась, выходящий
рбтнй 1-го Крайкова.

В. Б. 8го июля 1908

Адресъ А. Н. Толстому отъ англійскаго народа.

Изъ Лондона „Русск. Сл.“ сообщаютъ,
что въ англійскихъ газетахъ опублико-
ванъ текстъ адреса А. Н. Толстому отъ
англійскаго народа. Адресъ составленъ
въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Дорогой графъ! Отъ себя и отъ мно-
гихъ нашихъ соотечественниковъ, для ко-
торыхъ въ теченіе долгихъ лѣтъ
ваши сочиненія были источникомъ высокаго
просвѣщенія и глубокаго удовлетво-
ренія, мы желаемъ вамъ выразить въ
день вашего рожденія не только нашу
люблю къ вамъ, но и наше преклоненіе
передъ вами, какъ передъ нашимъ масте-
ромъ, учителемъ. Отъ всего сердца и
преданно ваши благодарныя гдн дѣ-
лали вамъ любовь и преклоненіе всего
человѣчества; а теперь, спустя полвѣка
послѣ того, какъ вы выступили на путь
общественнаго служенія, мы видимъ, что
судьба обмѣняетъ вамъ бѣсмертіе за крѣ-
пость и правду вашихъ многостороннихъ
трудоу, и мы этому радуемся. Сочине-
нія ваши читаются теперь больше, чѣмъ
бы то ни было. Вы пользуетесь глу-
бокими симпатіями во всѣхъ слояхъ об-
щества, которое одобряло ваши произве-
денія съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣ-
нія. Шлеть вамъ наши пожеланія въ за-
частіи нашихъ почитателей и благодар-
ныхъ нашихъ учениковъ.“

Воскресенскій Вѣстникъ 7го июля 1908

На наше замѣчаніе, что послѣдняя ста-
тья А. Н. Толстого жестоко бичуетъ и
революціонныя убійства, но изъ этой ста-
ей части не прозвучимъ условіемъ не
можа быть напечатана, „Московскіе“ отвѣ-
чаютъ:

Мы рѣзительно отказываемся понимать,
что подразумѣвается подъ конзурными со-
ображеніями, а именно: почему переводъ на
русскій языкъ повѣствованія революціонныхъ
убійствъ. Если ли это конзурная пра-
вильность, которая не позволяетъ печатать
революціонеровъ, или это конзурная „Рѣша-
и“ „Слова“, которые не могутъ допустить,
чтобы въ русской печати появилось ору-
жденіе революціонныхъ убійствъ, даже и
въ томъ случаѣ, если оно исходитъ отъ
Толстого?

Предлагаемъ духовному органу или
любому иностранному газету, перевести эту
часть статьи и напечатать ее на своихъ
столбахъ.

Россія 8го июля 1908

VIII.

Разговоръ съестественнаго поэта въ литера-
турѣ, или о литературѣ и еще о литера-
турѣ.

Сказавъ имена Толстого, Мамкина-Сы-
барова (имену котораго «Черты изъ жизни
Петрова» отъ считается издаваемой въ на-
шей литературѣ), Андреева, Вукина, и
иныхъ—Чехова и др. въ случаѣ Гора-
сий посвященіи въ кругу своихъ любителей
съ Максимомъ Успенскимъ, котораго
ранъ, еще до истекшима, ему пришлось
потти сказать отъ какой-то трагической
исторіи.

Заключитъ рбтнй, а толстовскому любелъ.
Горскій замѣчаетъ, что итальянскіе ла-
терары уже сами выработали программу
приобщенія въ кругу русскому на-
сѣданъ. Въ виду этого онъ выводитъ болѣе
удобнаго возмерженія отъ личной зна-
чимо въ этомъ рбтнй.

В. Б. 8го июля 1908

Къ чествованію Л. Н. Толстого.

(От нашего законного представителя)

Как известно, античные собрания тестовали 80-летие Тихого знаменитым и неистощимым, образам. Первый способ чествования должен был заключаться в издании на казенном языке сочинений великого русского писателя и в издании его имени и в распространении его в публике по самой доступной цене, чем и не даром. Вторым способом, т.е. неистощимым, состоит в издании адреса, подписанного всеми издателями представляемой литературы, искусства и общественными деятелями.

Вчера я имел случай беседовать с мистером Райфом (С. Harbige Wright), директором английского комитета, занимающего на себя организацию чествования Толстого. Нужно сказать, что Райф, состоящий и библиотекарем. London Library, самой крупной из Англии библиотек частного общества, хорошо знает Россию и русский язык, и, конечно, большой поклонник русской литературы и особенно Толстого.

— Ну что, какъ дѣла?—спросилъ я его.

— Илья, — откликнулся сын. Настя адрес не знает, поэтому. Среди подписей красуется лучший игрок современности. Ах, Илья, но Настя должна подписать на индивидуальный фонд — полное разочарование. Нам нужно по крайней мере 2,000 фунтов. Если мой сумку и пригласить выехать к каждому посылать собрания сотенных, а тогда и сотни фунтов не собираются. Вот почему мы и работаем совершенно основательным. Мы, кстати, и ограничимся одним адресом, который мы указали в заглавии самого Того, что на такое род человеческий, будет, конечно, со стартовой простотой, без излишних украшений, без драгоценных камней, футуризм и без всяких так называемых переживаний и депрессий.

— Читай, однако, объясняю эту сущность в отношении деятельности по международным? — спрашивает я. — Особенно странной кажется она, если принять во внимание, что в расхождении на английском языке должны были бы участвовать и американцы, и граждане англоязычных колоний, т. е. все англо-говорящие почти-насе-
 ления Глобуса.

— Да, комитетът няма и още даже разчитателна на Америка, — отбелязва мис

Райт. — Но, видите ли, туте действительна, главным образом, три причины. Во-первых, сам Тостов, обильный кошельком, думает, переделав романы своих предшественников, достигнуть чествования от публики. Во-вторых, жене нужны, что-де такое издание такких романов, как „Анна Каренина“ и „Война и мир“. В-третьих, не достигая, так как парадное было, будто бы, но обильно истинным достоинством этих романов. И поэтому распространение такких сочинений путем дешевой рекламы составляет безжалостный трагедический поступок. Конечно, можно спорить с такими взглядами и находить его совершенно несправедливым, но те, которые его допускают, должны не думать. Третья же причина та, что и без специального фонда кто-то из критиков уже начал выискивать сочинения Тостова на заглавном листе по поводу за книжку. Дешевое это издать нельзя, и в силу такой дешевой деятельности романа не только не достигнет, но и совершенно изгладится.

Вот главные причины того, что английской комиссии отказалось от мысли составить самостоятельный издательский фонд.

C. M. P.

3 (16) hour.

Nov. 8th 1898

На гребной волнах, волнуя я перенесла в
Якутск Палатку.

Телестой и развешивать.

— Итак, вы решительно против введения мебели?

— Развѣ вы не читали когда нибудь изъ
устроительныхъ частностей?

— Читав. По нас, все-таки рішимо підписувати чистосердечно... Це ми сплатимо

«Визитка» — визитница; в — визит — визитка

Решения, стили, колорит, образ —
открыт для фантазии.

страши, какъ безнадёжная туча, — на-
доела, ильня-пожарно.

И откуда было спастись
 5.8. 2-й декабрь 1948

Как живет в России

На-конец, на этот актуальный вопрос из-вестно авторитетно ответить три человека: министр финансов из своей рубки — г-н С. Савицкий, гдѣ онъ показывалъ, что «экономика процветаетъ и складывается кругомъ, мы можемъ съ облегченнымъ сердцемъ восклицать — слава Богу»;

вспышки губернатору, князь Горчаков, при открытии сессии высшего губернского собрания объявил, что губраном избран уничтожены все земские учреждения;

мировой философии, Л. Н. Толстой, признавший надлежит наклоненную истину на его социальную жизнь.

Они три характерных телесного по-
ложения вещей из России, принадлежащие
министру, губернатору и философу, подроб-
но разбирает из «Русских Вильямов»
А. Казанеттера, так заглаженный слав-
ный:

Если бы спросили: что такое современная Россия? —отвечайте: это — страна, в которой министр слезами Востана и надеждой на займы, губернаторы смущаются разрушительностью партизан, землевладельцы изнывают от скрапировки, а философы-чужолюбивость, содержащая опричнину, мучительно жаждет для себя надежды.

S.A. 107 June 1908

Английское духовенство и писатель
Толстой.

Из Ландена телеграфировать с 7-го июля
из берлинских газет:

Наполеон Врху, принудившего национально-го общества свободности эгалитаризма, и др., промешав в Нидерланды бегство, пришло к концу изданию Талейана, принявшего перемены. Основные мысли автора сводятся к тому, что политическое устройство не должно и не должно оставаться разрозненным из этого аспекта. Он считает, что человек должен выражать личность, чтобы не страдала личность, на которой основаны Талейан, единственно достояние прошлого.

E. B. 10² (mM) 1308[illegible]

Page 107/108/109

Стереорафическое издательство "Сейда" выпускает из альбома Л. Н. Толстого собрание картин, под названием: "Л. Н. Толстой в Ясной Поляне". Картины будут снабжены пояснительными текстами.

Томского из Ясной Поляны: как он работает в своем кабинете, как проводит время в семье, в школе, на даче и т. д.

Политический текст, к картам, который будет издан и за рубежом, является личным делом Николаевича.

Page 107 from 1308

Л. Н. Толстой. Соединение, перевод и исследование 4-х сватхелл. Написание «Посредничество». Там же, стр. 298, п. 75 к.; там же, стр. 307-308, п. 1 р. 50 коп.

Показание этой работы, до сих пор в России непереведен, из издания «Посредники» представляет бесспорно большую важность для людей, принимающих реальную систему Л. Н. Толстого. Талант людей немалого, но они существуют, и для них бесспорно верными и толковыми Л. Н. Толстой, который является настоящим человеком.

[illegible]

Prima 10^a iterata 1009

По поводу статьи Л. Толстого
"Не могу молчать".

(Печатна съ редакция М. Е. Планин)

Лев Толстой в своей статье о смертной казни высказал то, что у атеиста, русинка, индусина по духу и чести по малодушию как возмужало не высказано да сать погу. Правильно Лев Толстой—лучше быта или тюрьма, нокале продавал бесконечно смердно укавал, об укавал, казнили, неоронить плуру редку и этим мостанить как бы солдатынать мне.

Миллионы, десятки миллионов людей, восставшие, поднявшиеся теперь над пылом нашего великого гения, в каждый подышавшие паром своего как бы общего взмученного духа. Просту редакция приобщенного, все име к этому списку.

Илья Репинъ

Cerro 10th and 1308

Иллюстр. на 3.000 рублей

МОСКВА, 10-го июля. «Русские Ведомо-
сти» антрафазины генерал-губернатора
на 3,000 рублей за палачиных слуг
Алла Толстого «0 оккупант казни».

D.A. 11th June 1968

* «Русские Вѣдмости» за публикацію статті Лєва Толстого протинь ками, сиротформани на 3.000 руб.

E. A. 11th August 1904

За напечатаніе выдержек изъ статьи Л. Н. Толстого „Не могу молчать“ „Русскія Вѣдомости“ оштрафованы на 3,000 руб.—Газета „Утро“ (въ Петербургѣ) оштрафована на 300 руб.

Frans 11^e/12^e Av. 1303

МОСКВА.

Die ¹⁴C-Veränderung

9. *Excerpt*

Штрафы за «непечатание» «Во имя молчания».

Московский генерал-губернатор Гершунидзе на основании переписки 1-го областного правительства от 2-го июня 1907 года постановил затребовать редактора газеты «Утренняя Восточная» Соболевского на три тысячи рублей за «непечатание» в № 154, от 4-го июня письма А.А. Толстого под заглавием: «Во имя молчания». Письмо было перепечатано на выдержку, переданное по телефону в Петербург. В случае неимения штрафа из трехдневный срок Соболевский будет подвергнут 3-месячному аресту.

From 11th August 1902

Н. Кочубей и... Л. Н. Толстой.

Последняя статья Л. Н. Толстого „Не могу молчать“ обобщила всю европейскую печать.

Каждь бы та или другая газета ни отпоздалась к участию Талогому, но всеь больше газет, кь которымь обратились, друзия великого писателя, съ гласностью предостерегли его отъ статьи Талогому и изначало его старания, встретиши и поразитель протестъ противъ скорой казни. Итоговая газетъ извощаеши статью Талогому былъ возникъ комментація; други снабдили ее отголосами и комментаріями, но всеь отголоски были написаны въ той омане, разочарованіи и извоще-культуризмъ. Евразійцы убоише, циничъ великии злодей и великии злоица, убоише и писатъ о Руско. Тратированіи Талогому въ стилъ «Пископа Зависки» и мещанскіи мелодраматы, не позволю, себъ ни одна собою-публику культурный и уважательской еше спрашиваю; также тратированіе вышло бы на Завидъ тили, притомъ, мещанскія и мещанскія

Но раз, как это случилось с европейцами, то из неблагоприятное для ослепления глазами русской земли и городов теперешней России.—ка столбцы европейской печати измалос русский человек, акий из. Косовей.

Посылая этот, представляющий себя как оппозиционный партии и потому считающий себя либеральным, материал из „Matin“ статью, которую с удовольствием напечатало бы „Русское Замыш“.

Гизета помѣстала „артакъ“ из. Кочубен съ отговора, что она дѣлаетъ это исключительно во имя безопасности.

Кн. Мстислав начинаются с обвинения Толстого в том, что он является враждебной силой.

[illegible]

Тяжелый обвинительный акт ин. Кочу-
бас против Л. Н. Толстого.

Сты обманули до зги. Кочубей выскочили и другие „патриоты“ земли русской, от Восторжени до Пурнышанца. Ноги они лишь для европейцев, а не для нас.

Конечно, брат мн. Козубов и его семья, к которому мы, русские, дружны уже патристической" прессой, не умалишь значение Толстого по показу европейской читательской публики и не оставят патека на великом писателе.

Европейца взглядно и небезъ плуток-
лих, впрямую, увидать только, что такое
своеобразный русский патриотизмъ, опле-
вывающій все лучшее, что есть въ Рос-
си.

Это во-первых. А во-вторых, если французы никак до сих пор не способны представить туманное представление, то на фигуру мн. Кочубей они могут считать адекватную сущности самобытного русского либерализма партии 17 октября.

From 11th to 14th 1908

Оштрафование „Русских Вѣдомостей“.

Еще московский генерал-губернатор ген. Горемыкин поручил изъ отпуску из Москвы, какъ съестничныя, послыжаться правныя чрезвычайной охраны. Крамольникъ быть быстро пойманъ, и «Русскія Вѣдомости» оштрафованы на 3.000 рублей за выдержку изъ статьи Л. Н. Толстого: «Не могу мычать».

Мы не знаемъ, читалъ ли передъ отъездомъ ген. Горемыкинъ только что появившуюся передою нашего офиса, уфимскаго, что проны чрезвычайной охраннымъ изправляется только противъ тѣхъ «листоножъ», которые возбуждаютъ «поразительныя» званіи общества къ высказанію и политическимъ убійствамъ». Надо думать, что и ген. Горемыкинъ не приложилъ «Русскія Вѣдомости» къ такому листочку и не увидѣлъ въ статьѣ Л. Н. Толстого призыва къ «политическимъ убійствамъ».

Если же ген. Горемыкинъ читалъ означенную порочную «Россию» (тѣмъея второй, какъ известно, издательство принадлежитъ губернаторамъ), то очевидно, онъ послыжался въ первомъ изданіи, чтобы доказать «интересной газетѣ, какъ грубо она ошибается. «Сударствоваго», писала «Россия», — «оппозиціонныя газеты въ современной Россіи, которые много не знаютъ критиковать правительство и сиречь и сѣтъ, или покаяны, что правительство пользуется чрезвычайными мѣрами охраны общества не для подавленія гласности обсужденія его дѣйствій, а лишь для извѣрженія печати въ русо-зависимости». Ну, вѣдь, — знаетъ ген. Горемыкинъ, — и послышалъ у себя въ Москвѣ изправленіе ошибки авторитетнаго листочка, по выходящему въ издательствѣ отрывкомъ изъ статьи Толстого повода для изловленія кура на газету. Если московскій преставитъ кап. Спроситъ одну изъ своихъ обязанности видѣть въ изправленіи ошибку «высвѣтлѣть листочекъ», то, конечно, ген. Горемыкинъ съ большимъ прелекомъ можетъ исполнять эту функцию. При существующей «децентрализаци» въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Но какъ же быть съ «зависимостями»? Какъ сказать, чтобы органы печати знали, наконецъ, что такое и что такое? Мыслимъ ли такой поучекъ, когда изъ одного гортѣ резервовать мнѣнію независимымъ штрафамъ за то, что провозгласить независимымъ въ другомъ? Вѣдь теперь администрация всѣхъ крупныхъ российскихъ городовъ, политическая прелекомъ уроча, провозгласивъ изъ ген. Горемыкинаго, должны издѣлать чиняго охотиться постановленіемъ объ оштрафованіи десятковъ газетъ на тысячи рублей. Какой доходъ можетъ получить казна...

Когда въ статьѣ на обзвѣщеніи «Благовѣст», что Толстой протестуетъ только противъ извѣстной, упомянутой о политическомъ убійствѣ, «Речь» указала, что Л. Н. Толстой съ политической силой обрывается и на революціонныя убійства, только эта часть его статьи по децурнымъ условиямъ не можетъ быть воспроизведена въ русскихъ изданияхъ, революціонныя печати возмущались. Впрочемъ, нѣтъ тѣмъ же условій возмущаю ося.

Получивъ оштрафованіи «Русскія Вѣдомости», «Южнскія Вѣдомости» писали по поводу статьи «Речь»: «Невозможно понять: какия цензурныя условія являются орудіемъ революціоннымъ убійства? Вѣдь для баррикады и товарищеской диспуты давно уже прелекомъ».

Ген. Горемыкинъ послышалъ развѣснать издѣлывающей газетѣ то, что, по ее извѣстію, «невозможно понять». Если за перемѣнку безусловно «децуримъ» отрывкомъ изъ статьи Л. Н. Толстого «Русскія Вѣдомости» оштрафованы на 3.000 рублей, то что бы сдѣланы въ Москвѣ съ газетой, которая обрывается бы статью: «Не могу мычать» — дѣлалось, безъ выборовъ?

Росс 12^е /август/ 1908

За извѣстнате статьи Л. Н. Толстого «Не могу мычать» «Южнскія Вѣдомости» (изъ Симферополя) подверглись конфискаціи. За статью о керметъ на фабрикѣ Дунаева «Южнскій Вѣстникъ» оштрафованъ на 250 руб. Въ Варшавѣ приостановленъ «Вѣстникъ евангелическаго общества» за политическія воззвѣщанія.

Росс 12^е /август/ 1908

Саратовскій губернаторъ приостановленъ постановленіемъ мѣстной думы о воззвѣщаніи Л. Н. Толстого (Сѣб. тел.).

Росс 12^е /август/ 1908

radis man patīdāmo vēlēšanos iķaibā
 noj taibā gēd īšlēgt mani no to jilvēta
 mēdas, kura starp es dīšļoju, un kura
 starp es nēvatu nējustes šā līdībalībneefs
 vīšos tās nojēgumās, kas noteel ap mani.
 Tātāku vīšs tas, kas tagad noteel Kreemijā,
 noteel nēspāleidas wāhda labā, lai kagah-
 datu meerigu dīšļat vīšēem teem, kas dīšļuo
 Kreemijā. Bet ja nu tas ir tā, tad tas vīšs
 teel darits arī preeļš manis, kas arī dīšļuo
 Kreemijā. Tā tad preeļš manis ir
 arī tautas nēabstīda, kura atnēmsās pīrās,
 weenigās jilvējigās dēstās īmanot to jēni,
 nī kuras jilvēs ir dīmīs. Preeļš manis
 — vīšs iķis gilvēta īnābēšanos no weenas
 weetas nī otru, preeļš manis iķee šūti
 tūhētoķi īnābēšee un pa Kreemijā īnējo-
 iķee īnābēšee, preeļš manis iķee šūti
 tūhētoķi nēlainigee, kuri nēvīst ar tīsa un
 īstorbūti vīšēem nēpēteelētoķos jētoļšanos
 un jētumās, preeļš manis īnābēšee, cēstābēto,
 pafāheto māhtu, bēhtu un jēnu jēstānas,
 preeļš manis iķee īnēgi un īnātoķānas,
 preeļš manis iķo dēsmi, šūti nēohānto
 apstāhāna, preeļš manis iķo tī grāhēti
 atēdāmo jilvēta iķānānigais darbs, bet
 kuri mair nēlānās no iķi darbs, preeļš
 manis iķis īnānānas ar cēsepeleem jilvēem,
 pē kureem karejas jēweetes, bēhtu un
 nējēteļš, preeļš manis iķis īnēnigais
 weenu jilvētu nīnānās pēst otreem. Un
 jī īnābēšee arī nēbūht apstāhānās, tā tas
 vīšs teel darits preeļš manis, un tā es
 ejmu iķe iķānānigo darbu līdībalībneefs,
 es tāmētr nēvatu nējust, šā nēstānāmī ir
 īstorbūti. Starp manu eķeto īstābu, manām
 pēstēnām, manu apstāhētu, manu atpāhtu
 un teem iķānānigēem nojēgumēem, kuri no-
 teel preeļš to īnānānēstānas, kas grīkētu
 man atēemt to, kas man ir. Bet apstā-
 nāmēes to, es nēvatu ilgal to jēst, nēvatu

un man jēstānānas no iķi nējēstā
 nēstānā. Nēvatu tā dīšļat. Atēnānā es
 tā nēvatu dīšļat, nēvatu un nēstānānā.
 Tātāku arī es rāstū iķis rīnās un vīšēem
 īnēteem īnābēšētu to, tā rāstū, šā Kreemijā,
 tā arī atēnās tā, lai weens no dēvēm: wāj
 nu īnēbēšas iķee nējilvējigee darbs, wāj arī
 teel pafānānas mēmas kaites ar iķēem
 jilvēteem, lai mani wāj nēnēnēnē
 jētumā, kur es īnābē nēvatu apstānēes,
 šā ne preeļš manis noteel vīšs iķis
 dēstēnas, wāj arī, kas bāhtu wēl labā, —
 tī labi, šā es pat jēmot nēstānētu par tāhtu
 laimī, — šā man nīmahtu mēisu
 tāpat tā teem dīnēstmit wāj
 dīnāpāstmit jēnēnēteem, un tāpat
 īnābēšētu jēn tāhtu pānānānānā-
 jūnu, lai es pat ar jēnu
 īnānānā jēnu wējo tāhtu at-
 iķānānā ar cēsepele jilvē.

VII.

Un tāht, lai jēnēnētu weenu no iķēem
 dēvēm mēstēem, preeļš per vīšēem iķo
 iķānānigo darbu līdībalībneefem, preeļš
 per vīšēem, iķāht ar teem, kas jilvēteem-
 bēhtēem, jēvām, dēstēnām nīmanā mēisu
 un apnēt jilvēs, no jētumā kareem un līdī
 jūns, galweem rīstānānēem un iķo iķānānigo
 nējēgumā īnābēšēem.

Jilvēti-bēhtē! atēbēstēes, apstānēet
 to jūns dēvēt. Atēnānēes, kas jūns cēst.
 Atēnānēes jūns cēst jilvēti. Atēnānēes cēst wēl
 iķēl pafānēl, bet rīstā mair jūhtu nam.
 Wāj tad tēstānā, kas cēst iķāht pafānēl atēi
 iķu bēhtē — vīšēem jūns tā tā tā nēvātē
 atē mēguras — wāj tad jūns pafānē bēhtē-
 iķos nēnēstēet, šā jūns nēstēet atēnānē pafānē
 preeļš tam, lai mēhtu un nēlānānē jilvē-
 wēst, pafānē bēhtē no bāhtē, šā wāt
 nēgānānā, un mēlotu jēn un jilvēta un

Jatnēstānā 12 jūlijā 1908 (Jatnēstānā nēvātē)

Изъ газетъ.

Къ юбилею А. Н. Толстого.

Наши убоиye „патрiоты“ въ извѣстную дѣревяю отозвались на предполагаемое чествованiе А. Н. Толстого, по случаю 80-лiтiя его рожденiя, въ Москвѣ, а отозвались, конечно, такъ, какъ надо было ожидать отъ людей, кругозоръ которыхъ ограничивается рабствомъ собственнаго носа. Она притворилась аллошней городской администрацiи, въ случаѣ, если она допустить юбилейныя чествованiя въ школахъ, поставила кою-что на пути московскому начальству и, вообще, реализовала на предстоящее событiе бѣгу должного такта и поминанiя. Однако, въ Москвѣ собранiе „патрiотовъ“ по поводу юбилея не вышло изъ обычныхъ границъ своего вѣдѣнiя и нежелательныя имъ явленiя. Въ Саратовѣ же, — какъ сообщаетъ теперь „Сар. Листъ“, — выступленiе ихъ носило характеръ повсемѣстной разнузданности, но только нѣтъ границъ такта, но и элементарнаго приличiя.

„Орагерь“, священникъ Кармановъ, въ собранiи „православнаго союза“ (перекрѣпленнаго, какъ извѣстно, епископомъ Гермогена) иль союза рус. нар.), разразился 6 июля по адресу великаго юбилея клеветами такого краснорѣчiя, передавая которое изъ печати мы не считаемъ приличнымъ. Да и болѣе сенсационный референтъ „Сар. Л.“ замѣчаетъ, что „для священника такой тонъ, одна ли можетъ считаться уместнымъ“. Тогда же сенсационно по поводу рѣчи пантминастерующаго епископа пришла въ такой размахъ, что потребовала немедленной расправы:

— „На вѣдѣнiю его“ (т. е. Толстого). „Изъ поганого ружья!“ и т. п., — послышались голоса изъ „публики“.

Доставлено въ Гос. Думѣ (!), допустимой чествованiе юбилея, и главными городской думы, рѣшившимъ учредить школу и библиотеку имени А. Н. Толстого. О. Кармановъ по поводу всего прегрѣшенiй одѣлъ слѣдующее изъясненiе:

„Хотя начальнику губернии отъ православнаго союза подано заявление съ отъѣздомъ указаннаго постановленiя мѣстной думы, но этого мало, — нужно яснымъ образомъ стараться не допустить дѣйствъ на сатанинское предлѣзие Толстой безбожника и разнузданности вѣзвъ безбожниковъ, убiйцъ и т. п. Тѣ, которые его почитаютъ, сами безбожники и кривошники, они-то и настаиваютъ на юбилеѣ, чтобы погубить дѣтей, убiйцъ ихъ погубимыхъ себѣ. Члены Государственной Думы сами тайно протѣ Голубари, а вслѣдъ за ними, слѣдующею по ихъ отомощи, являются дѣрмами, лѣвостыми разнузданъ, возмущенныя имъ въ сподѣло, поминанiемъ въ погубить вѣры и нравственности, какъ коза въ антихъ“.

Нашимъ извѣщенiемъ изъ свои доходи о. орагерь въ собранiи не допускалъ, а когда одинъ изъ присутствующихъ, журналистъ теперь въ газетѣ на свѣцъ Карманова, подумалъ съ клеветой постановить ему вопросъ: на какомъ основанiи вы рѣшаетесь игнорировать разнузданность клеветы, воспрепятствовавъ возбужденiю одной части населенiя противъ другихъ, „отъ“ этого грубо схватить его за плечи и стаить тащитъ назадъ.

Такъ „черная“ порода Россiи чинитъ своего великаго соотечественника.

— Газету „Лугарь“ опровергали патрiоты рублемъ за статью о поминанiи юбилея. Извѣстно ли вѣдѣнъ: „статья возбуждаетъ одну часть населенiя противъ другихъ“, — коммандей,

что он, простыя бѣготыя противъ клеветы разнузданъ? „Листовъ“ выжили всего вѣдѣнъ тысячу на шесть, даже несчастную „Варку“ — на сто рублей за Юля Толстого.

Сар. 15-го июля 1908

СЕВАСТОПОЛЬ, 12 июля. Арестованъ редакторъ „Южнаго Вѣстника“ объявленiй и саратовъ! Постованъ за извѣстныя статьи Толстого „Не могу молчать“. Типографiя Харченко, гдѣ печатались „Вѣстникъ“, временно закрыта.

Сар. 15-го июля 1908

СЕВАСТОПОЛЬ, 12 июля. Арестованъ редакторъ „Южнаго Вѣстника“ объявленiй и саратовъ! Постованъ за извѣстныя статьи Толстого „Не могу молчать“. Типографiя Харченко, гдѣ печатались „Вѣстникъ“, временно закрыта.

Сар. 15-го июля 1908

➔ Въ краткомъ наученiи о Юзана Крохштадтскаго, издѣланномъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, находимъ слѣдующее обращенiе къ Богу:

„Господи, умертви Россiю ради порчи Твоей, ради низкихъ людей Твоихъ, преврати мѣтѣвъ и разнузданiю, возьми съ земли хуланцевъ Твоихъ, злѣбшаго и порочнаго Юзана Толстого и всѣхъ его горничныхъ разнузданцевъ, друга саравенъ Витте, погубившаго Россiю“.

Сар. 18-го июля 1908

За замечательныя статьи Толстого „Не могу молчать“ въ Севастополь арестованъ редакторъ „Южнаго Вѣстника“; типографiя, гдѣ печатались газеты, закрыта (Сб. тал.).

Сар. 18-го июля 1908

Сар. 12-го июля 1908

Изъ газетъ.

Чествователи юбилея А. Н. Толстого.

Юбилей Л. Н. Толстого приближается, а противоземлей къ нему не видно. Отношались всего нисколько городничьих самоуправлений готовностью учредить школы-библиотеки имени юбилера и устроить праздники школьникамъ въ честь его, но администрація, какъ-то, и эти начинанія поднимать.

Въ Саратове, по крайней мѣрѣ, по деятельности мѣстной черносотенной организаціи, послѣдствиемъ городской думы оба общественника юбилей устраиваются школами и библиотеками опустошенными губерниаторами. При этомъ настроеніи общественники кругомъ, предостерегающіе мѣстоимъ „патриотамъ“ въ свободѣ и безъ малѣйшаго прощенья, но мудрено, что знаменитый юбилей такъ и останется въ мѣрѣ общественного равнодушія. Почаще же приближаться въ полнотѣ мечтаній, ожидая, вѣроятно, что юбилейныя чествованія сами собою подготовятся. Исключеніемъ и дѣломъ являются только черносотенныя для хулиганскаго литература.

Въ Нижнемъ казѣ-то стихотворцы-общественники даже выпустили книжку верней „по дню юбилея Л. Н. Толстого“, раздали стоѣ гдѣ-то и называемый сборникъ безплатно.

„Низъ Л.“, дѣлая сердатую оспойды безыгривымъ разноречіемъ речей, знаменному амплитуду критической мысли и пылующему „насилію“ Толстого не только какъ мыслителя, но и какъ художника, „клянутъ“ за его „литературу“. Это, конечно, такъ, но о юбилей только и пишутъ такія литературострусливые обиходы, только они и напоминаютъ русскому обществу о немъ. Какимъ образомъ, особенно (когда поднятое возбужденіе, охотливое книжную брагу на прощанье събѣдѣ предостерегающей почтой...

Саратовъ 13го июля 1908

Напоминаніе.

Де юбилейнаго для Л. Н. Толстого остается такъ мало времени, — всего полтора мѣсяца. За это короткое время, при томъ самомъ глухомъ изъ году, мало можетъ быть сдѣлано для практическаго осуществленія того, чѣмъ на съѣздѣ представителей печати рѣшено было ознаменовать радостный день.

Набранный съѣздомъ комитетъ только съ осознаніемъ остается начать энергичную работу. Не было бы жалеть, что,

чтобы, законнымъ о приближеніи юбилейнаго дня, не забывали приходить на съѣздѣ рѣшеній. Для осуществленія жѣ необходимо большія матеріальныя средства. Притомъ помертвованій на конкурсно-проспективное учрежденіе имени Толстого доверять съидеализмъ какъ о величій симпатіи къ великому знаменителю, такъ и о степени культурности русскаго общества. Пресса должна чело напоминать читателямъ: „Помните объ юбилей Липа Николаевича Толстого!“

Его помнить, но кому? не помнить — автора несправедливый художественный созданий, чей голосъ не успѣлъ звучать голосомъ общественной совѣсти, не успѣлъ будить эту совѣсть... Пусть же будутъ даны общественнымъ доверенностямъ благодарной памяти и гдѣ-то принадежности.

Мих. Могилевскій.

Саратовъ 13го июля 1908

КИЕВЪ, 14 июля.

Востановленіе городской думы о присоединеніи думъ городскихъ унитаріемъ имени Толстого представляемо въ Петербургъ съ благоприятнымъ заключеніемъ мѣстной администраціи.

Вчера состоялось собраніе отдѣла союза русскаго народа съ участіемъ членовъ мѣстнаго союза. Предсѣдательствомъ Дубровина. Выступилъ арміею-мѣстнаго Антоновъ отдаленіе мѣстнаго, впрочемъ рѣчь на тему о значеніи неограниченнаго самодержавія и призывалъ соединить къ объединенію. Дубровина въ значительной рѣчи подчеркивалъ, что безразличіе является исключительнымъ проявленіемъ союза русскаго народа, грозитъ третью Гос. Думу, которая, по его словамъ, хуже друга вернула, такъ какъ обратилась въ каппеллярскій премьера.

Возвращая критическую рѣчь интронизатора Антоновъ и оберт-преступника союза Виссариола, произнесшая имъ при открытіи мѣстнаго союза, въ который онъ откровенно отказался объ участіи о вѣдомствѣ.

Миссіонеръ Антоновъ въ рѣчь на тему «кто такой Толстой» призывалъ провозгласить прокламацию къ народу неограниченному стару въ честь его юбилея.

Назначенію на сегодня общаго собранія мѣстнаго союза не состоялось, такъ какъ члены союза отправлялись на утренний городской общѣ. Присланный на съѣздъ архидіаконъ Мазанъ не доуверенъ въ участіи въ работѣ съѣзда.

Парижъ 18го июля 1908

«Киевская Вѣсти» оштрафованы въ 500 руб., «Херсонскій Вѣстникъ» также въ 500 р. за перепечатку ст. Толстого «Не могу молчать».

Свердловская Губерн. 16-го июля 1908

Редактору «Нашего Вѣстника» из Славянского Бюро, об. арест которого за перепечатку статьи А. Н. Толстого «Не могу молчать», мы так-таки сообщаем, теперь штрафовать вас-губернатора на 1,000 руб. съ запиской 3-степенного тюремного заключения. «Наша Вѣсти» прислаивает письмо.

Д. Б. 16-го июля 1908

Члены совета русского народа Швейцарии собираются собраться для обсуждения способов предотвращения въ провинции Нидерландов чрез посредничество нидерландских чиновников Лиза Толстого.

Ваша 17-го июля 1908

Тутъ были и армянские вожаки Антоний, и армянские Мазарий, и протестанты Востокъ. Въ своемъ «дѣлѣ» во время колебания послѣдней сдѣлать:

— Проклятые люди! Никто же знает, что знает миссия (??) парин жидов армян (??) глумиться надъ проклятой жидов? Съ этою цѣлью они изощрили нашу деревню измѣненъ съ глумленіемъ, противъ этого... Съ этою цѣлью они измѣнили жидовъ этого Свѣдѣнія—графа Толстого!..

Ахъ, великій глумилъ къ сожалѣнію, чтобы они прозрѣли внутренній распри. Центромъ жизни явился слово А. Н. Дубровина, почему-то стыдливо замолчали «Кеминингъ».

— Проклятые русскіе люди!—измѣняетъ в. Дубровинъ,—у насъ есть одинъ самый великій врагъ...

Возгласы. Ерен!.. Социалисты...

Г. Дубровина. Нѣтъ.. Конечно, якоремъ, такъ, якоремъ это все наши враги, что и глумится... Но у насъ есть одинъ великій, самый опасный врагъ...

Возгласы. Графа Толстого!.. Толстой!!

Г. Дубровина. Нѣтъ! Я скажу вамъ, кто этотъ самый великій врагъ... Врагъ, съ которымъ мы жестоко боремся,—это... наша бюрократія!.. (Огромъ преректоріи... поруганіе).

Далеко миссіонскій миссіонеръ Алмазов провозгласилъ рѣчь на тему «кто такой Лиза Толстой». Это была рѣчь правдивая «произнесъ 28 августа провозгласилъ и знаменитому старцу», провозгласилъ жидовъ второго отъябренности и за-дѣла хотѣтъ узнать англичан.

Рѣчь провозгласилъ разнаго рода деснами провозгласилъ по адресу Толстого. Врѣдны «зафема», «амоситъ его» и т. п.

Ваша 17-го июля 1908

Саратовскій губернаторъ приставилъ постановленіе мѣстной городской думы о тестованіи А. Н. Толстого устроителемъ чтеній и освѣдомленіемъ отъ мѣстныхъ гражданъ.

Д. Б. 16-го июля 1908

«Анна Каренина» и процессъ гомосексуальности.

Берлинская издательская фирма Янке провозгласила писателю степни рекламной издательствости. Выпущенный этой фирмой за прошлый годъ мѣсяцъ переводъ «Анны Карениной» украсился краснорѣчивымъ издательскимъ комментариемъ, что «Анна Каренина» является романомъ, на который основаны заплата въ арестѣ Мошито-Гарнетъ.

Д. Б. 17-го июля 1908

ОДРЕССА. 17 июля.

Привѣтливый съездъ Дубровина представилъ мѣстѣ ст. гр. Козенштинскій генералу Кайшуберу и генерал-губернатору Толмачеву.

Постановленіемъ генерала Толмачева редактору «Южеского Обзорника» Исаковскі, за замѣчаніе статьи Толстого «Не могу молчать» и рѣшеніемъ «Вѣдѣнія» Янке Свѣдѣнія штрафовать на тысячу рублей. За замѣчаніемъ штрафа Исаковскіе подвергнутъ аресту за мѣсяцъ. Редакция «Южеского Обзорника» и типографія заарядилъ на тотъ же срокъ.

По распоряженію генерал-губернатора Толмачева профессора Новороссійскаго университета—Василевскій, Ирошнко и Косенскій устроили отъ арестованнаго и присутствіемъ на заведеніяхъ съѣзда университета и факультетовъ; бывшій ректоръ профессора Залетскій устроили отъ присутствіемъ на заведеніяхъ съѣзда.

Ваша 18-го июля 1908

Хроника провинціальной жизни.

Къ чтенію Толстого.

Мѣ. Въ городскую управу, по словамъ «В. Уфа», поступило предположеніе твореніе мисіонера Г. Тимирязева измѣнить у него юбилейные жетоны въ память А. Н. Толстого для раздачи ученикамъ и учащимся мѣстнаго учебнаго заведенія. Въ управу пришло и образовъ жетоны, представленные собою только знаменитого писателя. Г. Тимирязевъ предложилъ также управѣ отпустить подписку на жетоны для желанія, причемъ 10% жетоны отбавитъ отчислить въ пользу земли и сиротъ сиротъ горъ управы. Цѣна жетоны—серебрянаго 15 к., никелеваго—25к.

Слово 18-го июля 1908